

Александр Комаров

Обнулись!

A glowing green DNA double helix structure is the central focus of the image. It is set against a dark background with vertical lines. The DNA is rendered in a semi-transparent, glowing green color, showing the characteristic twisted ladder structure. The background has a dark, almost black color with vertical lines in a slightly lighter shade, creating a grid-like effect. The overall aesthetic is scientific and modern.

Александр Комаров

Обнулись!

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Комаров А. В.

Обнулись! / А. В. Комаров — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Что если в нашем мире умения и свойства личности имели бы числовые значения, а их развитие напрямую зависело бы от нашего выбора? Роман был внедрен в банду наркоторговцев, но его подставили. Отсидев срок, он выходит. Изломанный, но не сломленный. Попытка начать новую жизнь вдали от всех внезапно сводит его с прошлым. И что теперь? Искать правды или отмахнуться и бежать еще дальше? Но позволит ли совесть отказаться от долга? В книге практически нет специальной терминологии, присущей жанру ЛитРПГ, но развитие человека в этом мире строится на системе, приближенной к S.P.E.C.I.A.L.

© Комаров А. В., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1. Слабакам здесь не место!	5
Глава 2. Скорая помощь	12
Глава 3. Дружба мужская и женская	19
Глава 4. Кто-то находит...	26
Глава 5. А кто-то теряет...	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1. Слабакам здесь не место!

Ворота Исправительной Колонии №33 с приятным лязгом закрылись за спиной Романа Пластинина. Он не стал вдыхать полной грудью якобы пьянящий воздух свободы, а закурил. Вряд ли трехметровый забор с колючкой, отделяющий зону для бывших сотрудников внутренних органов от остального мира, способен изменить свойства входящих в легкие газов. Что тут, что там одинаково пахло ранней майской сиренью, и солнце светило одинаково ярко, только здесь оно не было поделено решеткой на квадраты.

Роман – крепкий мужик, лишенным сантиментов. Сейчас он хотел только три вещи – отмыться, напиться, женщину (очередность не важна), а потом уже можно начать новую жизнь, никак не связанную с ФСБ и криминалом.

С него хватит!

Два года в банде он разрабатывал преступную группировку: производителей и продавцов новых наркотиков. Внедрил к ним, занимался паскудными вещами, чтобы его не раскрыли, тратил накопленный опыт на повышение ненужных нормальному честному человеку характеристик и навыков, вроде Вымогательства и Взлома, прокачивал Разговор по фене, повышал лояльность среди откровенно отмороженных ублюдков. Вместо увеличения Интеллекта или Восприятия, пришлось тратиться на повышение Ловкости и Удачи, таких необходимых, когда ходишь каждый день по лезвию даже не ножа – бритвы.

И что он за это получил? Как его наградила Родина, общество?

Свои же впаяли две статьи 285 и 286 за “превышение служебных полномочий” и четыре года колонии. А за что?

Добывал доказательства в лаборатории, с первой попытки взять все, что нужно, не удалось, вернулся и нарвался... То ли его ждали, то ли удача сработала в минус, но посреди ночи заявились туда ученый-химик с бойцами. Прятаться поздно, оправдываться – глупо. Все за стволы, перестрелка затянулась, одного он положил, второго ранил, но шальной пулей срезал еще и химика. Приехали менты... причем чужие, не свои. Всех задержали.

Из СИЗО выживший боец оперативно своим слил, что Роман – крот, значит назад дороги нет. По накопившимся за два года уликам коллеги в тот же день задержали и закрыли кого смогли, но верхушка ушла, в том числе самый подлый и мерзкий ублюдок – Рубинчик, не брезгующий собственноручно проводить акты публичной экзекуции неугодных или провинившихся.

Закрыли и Пластинина: на камерах видеонаблюдения видно, да и баллистическая экспертиза показала, что химика свалила его пуля. Сам ученый в перестрелке не участвовал, был признан случайным гражданским прохожим – абсурдный аргумент, как считал Роман – и как назло, в больнице в скором времени умер при странных обстоятельствах, но ведь ясно, что ему помогли!

В итоге срок. Все, что смогли сделать коллеги и начальство – определить в нужную зону для бээсников, где все бывшие служащие исправляются. На обычной зоне ему бы и ночи не протянуть.

А что теперь? На службу обратно таких не берут, да и противно после всего, что пришлось от своих же вытерпеть, выслушать. Из тех, кого считал друзьями, боевыми товарищами, его поддержали трое. Полковника Дунаева потом сняли, за то что заступался за Пластинина слишком рьяно. До пенсии год не дотянул. Зато прокурорским радость была.

Что стало с теми бандитами – не ясно. Они же как гидра: голову отрубил – три новых вырастут. И не забывается в преступном мире то, что бывший капитан Роман Пластинин им устроил. Развалил-таки функционирующую группировку, бизнес обломал, разработку новой

дури откинул назад, химика главного шлепнул... хотя здесь большой вопрос. Допустим, на тридцать третьей зоне им было его не достать, а сейчас? Не захотят ли поквитаться?

Значит что? На дно и новую жизнь начинать... хотя он ее уже четыре года назад начал, когда за вот этот синий забор попал. Столько злости в нем было, столько обиды, но в четырех стенах ей выхода не много: работа, церковь и библиотека. От работы и так никуда не денешься, в церковь всю жизнь ходит, а вот библиотеке он стал посвящать все свободное время. За два года в банде так часто с химией сталкиваться пришлось – десять раз пожалел, что в науку и интеллект недостаточно в жизни вкладывался.

И вот ведь сволочи, таких головастых ученых собрали, что прямо на его глазах те все новые и новые наркотики, стимуляторы изобретали. И ведь не на благо общества, а наоборот.

Пластинина это еще тогда очень задело. Он реально увидел, как не силой, а умом можно помочь людям. Но что поделать, если он был раскачан иначе. Всю жизнь, с малолетства, готовили его стать мужчиной. Таким, который в первую очередь Воин. Поэтому кидал он по наставлению взрослых очередную единичку повышения характеристик то в Силу, а то в Выносливость... ну и изредка еще куда-нибудь, чтобы совсем троллем или огром мифическим не вырасти.

Но ведь понятно, что и за целую жизнь не прокачать так Силу, чтобы один человек всему человечеству помочь был в состоянии. А через Интеллект можно... через науку. И Восприятие добавить в помощь!

Его запала хватило на половину срока на зоне. Все-таки тяжело с непривычки совершенно нового человека из себя лепить. А потом вообще апатия и депрессия одолевать начали. Первый раз в жизни Пластинин растерялся и не знал, чего хочет. Делать он что-то продолжал, но как-то по инерции, на автомате. Очки характеристик копил и ни во что не вкладывал, решил, что когда откинется с зоны, там и определится. Потратить ведь легко, а вот назад вернуть пока ни у кого не получалось.

Сплюнув и щелчком послав окурков точно в урну, Роман отправился к автобусу в новую жизнь.

Остановка находилась чуть дальше по дороге, за кладбищем.

***

Три месяца спустя.

Красные листы металла на кровле одноэтажного кирпичного здания ловили последние лучи заходящего солнца. Скромная вывеска "Кафе-бар Волховстрой", оставшаяся бы без внимания в большом городе, в пятничный вечер манила жителей района лучше, чем раскрытая сумка – щипачей.

В помещении звучала радиостанция: одна из тех, словно застрявших в девяностых годах. Было многолюдно: разношерстная публика ужинала, пропускала стопки и кружки после рабочей недели, кто-то даже был на свидании, о чем говорили бутылка вина и три чуть подувянувших цветка.

За одним из центральных столов сидели трое молодых парней: пили пиво, громко, матерно и глупо шутили. В принципе, антураж допустимый для пятничной ночи, но было еще слишком рано и "Волхов" дурной славы не имел. По выходным, например, сюда приходили с детьми и можно было не боясь разрешить ребенку погулять по залу, если он вдруг засиделся на месте в ожидании еды. Хозяйка кафе – Стефания Гамова – часто сама встречала гостей, раньше с дочкой, но сейчас девочка подросла и у нее были, конечно же, другие интересы. Вообще, этот район города считался небольшим и в кафе часто можно было встретить знакомых, в целом обстановка дружелюбная.

– Э-кхм, кхм, – демонстративно громко Роман прочистил горло, но борзая компания за столиком никак не отреагировала.

Что же, за годы на зоне он уже перестал отождествлять себя с капитаном ФСБ: теперь ксивой не помашешь – надо вразумлять иначе. Но в уме Роман загнул палец – это раз.

Парни продолжали ржать и в перерывах орать друг на друга пьяными голосами.

– Молодые люди, потише можно? – сдерживая себя, спросил Роман из-за стойки.

– Не-е-ельзя! – отпрыгнул ему в ответ самый щуплый, бойкий и голосистый.

Вдохнув поглубже, Роман перекрутил внутренний счетчик еще на единицу – это два.

– Э, мля! Фраер бессмертный! Пасть закрой, кому сказал! – Роман с силой опустил кулаки на высокую стойку. Выmaterился про себя: от удара заныла старая травма левой кисти.

Парни приутихли и вонзили наглые взгляды в назойливого бармена, тот выглядел действительно одиозно: короткостриженный, небритый, зубочистка во рту, из-под закатанных по локоть рукавов рубашки выглядывали покрытые татуировками жилистые руки.

Любой здравомыслящий человек на их месте бы насторожился и прислушался, но выпитый алкоголь притупил полезные инстинкты.

– Папаша, ты не рамси, лучше пивасика нам принеси, – срифмовал бойкий и все заготовили. – У нас все ровно будет.

Глаз Романа дернулся, но так, что никто не заметил. На проблемный столик с опаской косились завсегдатаи. Нужно было что-то решать.

“Это три, – решил Роман, – прости Господи!”

Он деланно улыбнулся и принялся наливать пиво. Взяв массивные стеклянные кружки в одну руку, на манер подавальщиц на Октоберфесте, он двинулся к столику.

– Кушать подано, – улыбнулся он, после чего кружки с грохотом обрушились на стол, обильно орошая пеной и пивом тарелки с закусками, орешками, а также одежду сидящей троицы.

Как и ожидал Роман, бойкий парень остался сидеть, только выпучил глаза и приоткрыл рот, чем лишь дополнил образ.

Вскочить же попытался быкообразный пацан с действительно квадратным лицом. Роман коротко ударил его ребром ладони по шее и тот кулем опустился обратно. Все произошло так быстро, что ошарашенные дружки и не думали продолжать разборку. А может быть смекнули, у кого в Силу больше вложено, или в Ловкость: попробуй по такому попади.

Остальным посетителям хоть и не было приятно оказаться свидетелями конфликта, но на их лицах читалось молчаливое одобрение действий Романа. Кто-то даже чуть слышно пробурчал:

– Давно пора, распустилась молодежь совсем, вот в наше время...

Пластинин улыбнулся, обвел взглядом зал, успокаивая публику. А паршивцам бросил:

– Деньги на стойку, сами – вон. Три минуты. Три. – Затем достал заткнутую за передник тряпку, бросил на стол и добавил, – вытрите за собой.

В такие минуты прокачанные Разговоры на фене и Вымогательство не казались столь уж бесполезными навыками. Хотя на языке и вертелось слишком много блатных слов, фильтровать которые было, порой, утомительно. Да и вообще, такого же результата можно было достигнуть и другим путем, через Харизму, например, или попросту задавив Интеллектом. Но обходиться приходилось тем, что есть.

Через пару часов люди начали расходиться, пустых столиков становилось все больше и больше, поэтому их по традиции сдвинули в один угол, освободив пространство для танцев. Роман приглушил освещение, включил на ноутбуке заготовленный плейлист и меланхолично наблюдал за редкими танцующими парами и двумя подвыпившими женщинами, которым и кавалеры были не нужны, и музыка не важна.

В кафе вошла высокая женщина на каблуках в белой, в крупную вязку, свободной кофте. Хозяйским взглядом окинула помещение, поздоровалась с парочкой за столиком с тюльпанами, перекинулась несколькими фразами с официанткой и торопливо прошла к стойке.

– Здравствуйте, Роман Павлович!

– Добрый вечер, Стефания... Леонидовна, – ответил Пластинин, чуть смешавшись. Ему нравилась эта интеллигентная женщина, в одиночку, да еще и с ребенком на руках, поднявшая бизнес в таком месте.

– Маша не забегала сегодня? – справилась она о дочери, которая часто заходила в кафе пообедать или просто перекусить, особенно летом, когда на каникулах гостила у мамы.

– Нет, сегодня не было.

– Странно, не могу до нее дозвониться, – пожалала плечами женщина.

Они помолчали. Роман ощущал ее беспокойство, но не знал, чем помочь. Кроме того, он сам начал переживать. Когда он видел Машку последний раз? Вчера вечером забегала с подругой. Наверное тусят сегодня где-нибудь. Что еще делать на каникулах после первого курса? Много ли забот? Но девочка она была ответственная, серьезная, вся в родительницу, чего за нее зря беспокоиться? Но попробуй объяснить это матери...

– Ладно, как дела на смене, все в порядке? – спросила Стефания, внимательно посмотрев на Романа.

– Как обычно, – развел он руками.

– Опять кто-то выступал? – В ее глазах Роман прочитал и неподдельную заботу о собственном кафе, и сочувствие к нему. Будь у него Восприятие побольше, он и еще чего-нибудь бы в этом взгляде прочитал... эх!

Роман слегка сморщился, мол, да чего уж там говорить, и непроизвольно потер травмированную руку – и так болит постоянно, а тут еще и ударить ей пришлось.

– Роман Павлович...

– Роман, называйте меня просто Роман, я же не сильно вас старш... – Роман осекся: вечно ляпнет какую-нибудь глупость, а потом выкручивайся. И как теперь можно отшутиться и разрядить обстановку? – А то... а то знаете, у меня от такого обращения седых волос прибавляется каждый раз.

Он натянуто улыбнулся.

– Роман Павлович, – настаивала Стефания, – с одной стороны я вам очень благодарна. Вы и за баром помогаете, и на кухне, и охрана больше не нужна, но... как бы это лучше сформулировать... не бейте, пожалуйста, людей в моем кафе. Я вас очень прошу. Можно же как-то иначе... понимаю, контингент разный, но ведь всегда можно попробовать договориться.

– Так ведь я попробовал, – сглотнул Пластинин. – Три раза...

– Пообещайте мне пожалуйста, что в следующий раз вы попробуете четыре раза, – Роман взглянул в ее внимательные глаза и начал тонуть: два зеленовато-серых озера словно искрились тысячами солнечных лучиков, источая непомерное для таких малюток тепло. Он даже почувствовал его на своем загрубевшем лице.

– Роман Павлович... обещаете? – настойчиво, но с улыбкой повторила Стефания.

Пластинин вышел из оцепенения и кивнул.

Женщина вздохнула и потянулась к компьютеру на кассе.

Роман частенько удивлялся, как она прожила здесь всю жизнь, открыла бар... хорошо, кафе-бар, и до сих пор верила в какие-то цивилизованные подходы в общении с пьяным отребьем. Роман тоже считал драку – крайней формой убеждения, он же все-таки человек с высшим образованием, бывший... да, бывший офицер. Но ведь сегодня никто и не дрался. Подумаешь, сделал предупредительный выстрел в голову, если так можно выразиться, и пресек конфликт.

Ладно, глупо было надеяться, что она его когда-нибудь поймет... но и не станет же он ради Стефании так прогибаться, что свободные очки характеристик раскидает под нее. Ну,

чтобы соответствовать лучше. Хотя много ли для этого надо? Прокачать Харизму? Или лучше Интеллект и Восприятие? Очевидно, они у нее на высоком уровне, а подобное тянется к подобному, это он еще из школьных уроков по магнетизму помнил... стоп! Там как раз одинаковые полюса отталкивались... да, поднять интеллект бы не помешало. Хотя ладно, подумалось спутал, столько лет прошло.

А ведь именно такой план он и составил, когда только заехал на зону. Цель, правда, была другой – познать науку, химию. Может быть все-таки вложиться? Сколько у него нераспределенных очков накопилось за последние годы апатии?

– Роман Павлович, – легонько коснулась его руки Стефания. – Можно вас попросить... не дадите, пожалуйста, с вашего телефона Машу набрать? Вдруг она только мне не отвечает... может быть обиделась на что-то?

– Да ну, вряд ли, – вырвалось у Пластинина, – она не похожа на такого человека...

– На какого на такого? – вцепилась в фразу женщина.

Роман осекся... ну как рассказать, что уж в людях-то он разбирается, насмотрелся всякого. И в детстве, и студенчестве, и на службе, и... и в банде, и на зоне.

Машка была светлой, солнечной, без примеси гнили и ржавчины, которые стачивали, выедали со временем даже очень приличных людей. Стоило им только попасть под удар, как прогнившее нутро или уже дряхлый стержень, еще недавно казавшийся металлическим и несокрушимым, трещали, лопались и рушились вместе с человеком.

Машка была другой, совершенно точно! В детстве ходила по кружкам, любила читать, причем достаточно взрослые, серьезные книжки; в школе ее не сбilo с пути окружение, мало интересующееся такими вещами; успешно миновала она и чисто дворовые пристрастия подростков – сигареты, алкоголь, наркотики. При этом, она не была ботаничкой, у нее много подруг из всех социальных слоев, но даже самые испорченные не могли затянуть ее вниз, наоборот, многие преображались под ее влиянием. Видимо, много очков вкладывала в Харизму. А может какой-то перк специальный выбрала в детстве.

Дальше она поступила в питерский университет, пришлось, правда, переехать от мамы в общагу. Мотаться каждый день со станции Волховстрой – выше человеческих сил и логики, но на каникулах и длинных выходных приезжала домой. Со Стефанией у них сильная связь, завязанная и на стандартных отношениях мать-дочь, и на доверительных подруга-подруга.

– На какого такого? – повторила Стефания на тон выше, – Роман Павлович, вы иногда как будто говорите что-то про себя, а словно громкость включить забываете... Извините... не хотела оскорбить, нервничаю просто.

В этот момент к стойке виляющей походкой приплыли две женщины.

– Сте-е-еша, приветик! – воскликнула одна из них и расхохоталась. – А мы и не заметили, как ты пришла, да?

Надо же, Роман никогда не слышал такого сокращения ее имени. Звучит как-то... нежно что-ли.

Стефания бросила в их сторону колючий взгляд, хотя и постаралась сдобрить его улыбкой:

– Здравствуй, Галя. Здравствуй, Надя. Хороший вечер?

– Просто за-ме-ча-тель-ный! – нараспев хором ответили дамы, а потом обратились к Роману. – Молодой человек... а... э... дай нам еще шампанского... ну бутылочку... и песню поставь... знаешь такую... младший лейтенант мальчик молодой все хотят па-тан-це-вать с тааа-бой!

Стефания отвернулась и поморщилась. Роман поспешил спровадить клиенток:

– Да, я принесу. Садитесь за столик.

– И песню, ага?

– Поставлю, садитесь, пожалуйста.

– А это... музыку еще, музыку сделай погромче! – пышущее жаром полное тело женщины навалилось на барную стойку так, что ее раскрасневшееся лицо почти уперлось в грудь Романа.

– Попробую, – ответил он, делая шаг назад.

– Стешка, а ты к нам садись! Че стоишь киснешь, а? – та лишь культурно кивнула в ответ.

– Ну все, – хлопнула по стойке женщина, улыбнулась во весь рот с отсутствующим зубом и направилась к подруге за столик. Вот уж кто про Харизму забыл... хотя алкогольное опьянение такие дебафы вешает, так понижает все характеристики, что сложно сказать с уверенностью, кем является и как себя ведет человек, будучи трезвым.

– Так вот, Маша не похожа на человека, который заставил бы маму переживать, – Пластинин поспешил наконец успокоить Стефанию, которой тяжело далось ожидание. – Скорее всего, она просто увлеклась чем-то и забыла про телефон. Или на беззвучном стоит, – как можно более спокойно продолжил Роман. – Куда она сегодня собиралась?

Стефания задумалась и начала грызть ноготь. Затем, опомнившись, покраснела, достала из кармана телефон, покрутила его в руках, положила на стойку возле кассы и выпалила:

– Они с Леной Щербининой в клуб собирались... ну в молодежный который... образовательно-развлекательный, помните, она рассказывала, что у нас на районе... в смысле, в районе открылся весной клуб. Она как на лето приехала, тоже туда ходить начала. Подружки позвали. Ей там нравится. С ними беседы проводят, лекции интересные читают, какие-то активности есть на свежем воздухе опять же. Пытаются настроить молодежь на правильную жизнь, чтобы не попали под тлетворные влияния разные. Маша несколько раз и сама с докладом выступала, тут же не много студентов, в общем-то, а она в Питере учится. Говорит, что рассказывают про карьерные возможности, про то, как лучше характеристики распределять, что прокачивать если, например, врачом хочешь стать, а что – если журналистом...

– Да помню я, помню, – оборвал Роман, видя, что речь Стефании все ускоряется и ускоряется – явный признак начинающегося невроза. – Держите телефон.

Женщина по памяти набрала номер, долго вслушивалась в гудки, затем скинула и протянула Роману.

– Спасибо, тоже не берет.

– Но не берет – это ведь лучше, чем выключен и вне зоны доступа. Значит просто не слышит. Стефания... Леонидовна, вспомните, вы же сами были подростком.

– Роман Павлович, спасибо вам... за телефон и... и поддержку. Не буду больше отвлекать, займусь делами, и вы тоже. Как там у нас на кухне дела, уже свернулись? – спросила женщина нарочито громко и бойко, словно сама пыталась отогнать от себя дурные мысли.

Когда начальница скрылась за дверью кухни, Роман быстро нашел заказанную песню – не было еще пятничного вечера, чтобы ее не просили включить – поставил в очередь воспроизведения, открыл бутылку шампанского... куда подевалась Светка-официантка? Курить опять выскочила? Пришлось ему с двумя бокалами направиться к столику.

Вернулся за стойку он в подавленном настроении. Почему он вообще здесь работает? Он никогда не был общительным человеком. По службе – да. По делу – можно. А выслушивать пьяных посетителей было для него в тягость.

Сперва он думал, что устроится сюда только на время, а потом как-то втянулся. И хоть не признавался себе в этом, но рядом со Стефанией, да и Машкой тоже, его апатия отходила, словно тьма, расступающаяся от свечек.

Что-то жужжало на столе – Стефания забыла телефон у кассы. Роман поднял его и машинально глянул на экран – Доча. Тут же вызов оборвался. Не успел он войти в кухню с радостной новостью, как его собственный телефон завибрировал. На экране значился незнакомый номер, Пластинин ответил.

– Здравствуйте, могу я узнать, с кем говорю? – раздался усталый мужской голос.

– Нет, не можете, – резко ответил Роман. – Кому вы звоните?

– У меня телефон девушки... я набираю пропущенные номера. Ее мать не отвечает. Последним ей звонили с вашего номера.

– А где девушка? – у Пластинина были крепкие нервы, поэтому и напряглись они тоже крепко.

– Скажите кто вы, вопрос деликатный...

– Друг семьи! – крикнул Роман и выругался в трубку. – Что с Машкой, говори?

– Хорошо... успокойтесь, она в очень тяжелом состоянии... У нее подозрение на передозировку наркотическими препаратами. Приезжайте пожалуйста в больницу... и сообщите родным.

Глава 2. Скорая помощь

Как бы Роману ни хотелось сразу же поехать в больницу вместе со Стефанией, но кто-то ответственный должен был остаться до конца работы кафе. Официантка Света на такую роль почти подходила, но стоило только Пластинину заговорить об этом, как девушка округлила глаза и обхватила плечи руками: закрыть заведение – дело не сложное, но остаться здесь одной из персонала, когда на дворе полночь, а посетители все больше и больше теряют человеческий облик... мало ли что.

– Ром, а вдруг опять такие же зайдут... ну как те три сегодня вечером, – заскулила она. – Ромочка, останься, пожалуйста, со мной!

Не столько из-за Светы, сколько чтобы не заставлять Стефанию нервничать еще и из-за кафе (если, конечно, волноваться еще больше было возможно для нее в такой ситуации), Роман остался до закрытия, но это были самые долгие полтора часа в... в этом году точно. Даже последние минуты на зоне тянулись не так мучительно. Он и сам удивился, отчего вдруг стал настолько эмпатичным, тем более к малознакомой девчонке. Может быть, за последние годы в нем скопилось столько нерастраченного сострадания, что оно сейчас прямо-таки выплескивалось на первого мало-мальски достойного человека? Странно все это, непривычно для него.

Роман налил себе уже вторые сто грамм водки, выпил, выключил везде свет, компьютеры, проверил окна и двери, вышел, наконец, на улицу и закурил в ожидании машины. Его смена закончилась.

Вскоре задрипанная иномарка такси остановилась напротив приемного покоя районной больницы: скромного двухэтажного здания, утопающего в листве деревьев и пугающей темноте августовской ночи, пришедшей на смену радостным и задорным белым ночам, таким любимым в этом регионе.

– Так-с, с вас... сейчас найду, сколько... – терзающе медленно соображал водитель.

Роман кинул купюры на торпеду и выскочил из машины, хлопнув дверью так, что чуть не открылась дверь соседняя.

Ворвавшись внутрь, он наткнулся на дремлющую за стойкой регистратуры медсестру пенсионного возраста. Она с трудом разлепила тяжелые веки и уставилась на него в ожидании разъяснений.

– Гамова Мария, семнадцать лет, – возраст он сказал наугад, – номер палаты какой?

– Родственник? – устало спросила женщина.

Роман задумался. Стефания уже здесь, она отметилась, как мать, скорее всего ее спросили и о других членах семьи... Значит если ответить, что он отец, может выйти неувязочка. Есть и другой способ.

– Капитан Пластинин, отдел по борьбе с наркотиками.

Медсестра слегка подтянулась и пошире раскрыла глаза.

– Так ведь милиция ж уже была...

– Полиция, гражданка, полиция. Но я из ФСБ.

– Ах, ну да... полиция, милиция, ФСБ... толку-то... ночь на дворе...

– Я из другого отдела. Говорите номер палаты и как пройти, мне некогда.

– Удостоверение извольте, пожалуйста...

Ксивы, конечно, не было. Но что такое бумажка для настоящего... хорошо, хорошо, бывшего ФСБшника? Бумажку можно потерять, ее можно отобрать, бумажки можно лишить. А вот перки – эти замечательные бонусные способности редко выпадающие людям. Обычно это связано со значимыми событиями жизни: пошел в школу, закончил школу, пошел в ВУЗ, закон-

чил ВУЗ... и так далее. Даже за попадание на зону Роману достался перк, но о его свойствах он предпочитал не вспоминать лишний раз.

Не все бонусы были однозначно положительными, были и достаточно своеобразные... например, чересчур невезучие по жизни люди могли получить особенность, при которой досадные недоразумения и несчастья начинали случаться не только с ними, но заодно и со всеми вокруг. Может показаться – от этого мало пользы обладателю перка, но во-первых, становится не так обидно, что не везет только тебе – а это уже немало, а во-вторых, если приноровиться к таким событиям, можно научиться извлекать хорошие дивиденды. По сравнению с окружающими, у владельца огромное преимущество – он знает, что вот-вот может случиться какая-нибудь шляпа и готов к этому, а для остальных это будет настоящий снег на голову. Причем снег не чистый, белый, а желтый или коричневый.

При получении капитанских звездочек у Романа появилась полезная способность: с пятидесятипроцентной вероятностью ему верят на слово, когда дело касается связанных со званием утверждений. Корреляция опыта с харизмой и авторитетом. И хотя в органах он больше не служит – перк никуда не делся. Ведь мастерство, опыт, знания и умение понтануться – не пропешь и даже не протопчешь в местах не столь отдаленных.

– Капитан Пластинин... сколько еще раз повторять?! – надавил Роман.

И тут на далеких планах, или в небесной канцелярии, или кто его знает где еще, завертелись божественные шестеренки, по написанным манными чернилами в воздухе формулам, вычисляющие вероятность наступления того или иного события. Пятидесятипроцентный шанс на успех от перка да помноженный на переменную благосклонного исхода из-за повышенной удачи минус коэффициент сопротивляемости медсестры, разросшийся до неприличия из-за лошадиной Выносливости женщины... Но не прошло и двух секунд, как Роман услышал:

– В реанимации она, второй этаж, направо по коридору, четвертая дверь. Бахилы обуйте.

Сдержанно выдохнув, Пластинин ринулся вперед, проигнорировав странную просьбу “обуваться” в полиэтиленовые кульки.

– ... но вас туда не пустят, товарищ милиционер, – бросила ему вдогонку женщина. – Вам к доктору надо сперва.

Роман резко остановился.

– Доктор кто? – спросил он.

– Валерий Сергеевич, он на первом этаже, по коридору налево, потом еще налево и его дверь.

Роман мысленно сплюнул, развернулся на пятках и поспешил в другую сторону.

Конечно, в коридоре пахло лекарствами, линолеум был вытерт, а стены до уровня пояса исполосованы черными следами от подошв, но Пластинин ничего не замечал. За два десятка решительных шагов он добрался до кабинета – больница была совсем маленькая. Рванул дверь и только тогда задумался, что может быть его здесь никто и не ждет, но, увидев сторбленную фигуру Стефании на стуле, немедля вошел.

Тесная комнатка, всего метров десять квадратных. Сидящий за столом Валерий Сергеевич – сухопарый мужчина с торчащими из-под ворота бирюзовой врачебной униформы седыми волосами – поднял на него взгляд:

– Вам кого?

– Я... по поводу Машки... Марии...

Стефания повернула к нему заплаканное лицо со следами потекшей туши и ничего не сказала.

– А вы ей кто? – врач переводил взгляд с него на женщину и обратно.

– Какая разница. Я помочь хочу.

– Че-е-ем? – мужчина удивлялся все сильнее.

– Скажем, есть у меня опыт в... в схожей ситуации?

– Вы врач? Или может быть наркоман? – доктор уже и не пытался скрыть появившуюся неприязнь к незваному гостю.

Терпение Романа тоже пошатнулось, он действительно пришел помочь, поддержать Стефанию, зачем этот мужик стал до него докапываться?

– ФСБшник я! Из отдела по борьбе с наркотиками, так понятнее? Капитан Пластинин.

Стефания резко подняла на него глаза – да, этого он ей не рассказывал. Когда устраивался на работу ограничился общими фразами, что служил в органах, да и в трудовой так записано.

– Нет, не понятнее, – на этот раз очевидно перк не дал нужного результата, и врач не поверил ему на слово, что он из органов. – Иваныч уже приходил... в смысле, майор Беляев.

– Это местные менты...

– А почему, позвольте полюбопытствовать, ФСБ вдруг заинтересовалось рядовым случаем передозировки?

– Пока я здесь как частное лицо...

– Ну вот я это частное лицо и прошу удалиться.

– Да что же ты за человек такой... – не сдержался Роман.

– Постойте... – принял Валерий Сергеевич. – Да от вас же алкоголем пахнет!

Пластинин смачно выругался про себя: собака этот мужик что ли, такое обоняние, или Восприятие в потолок прокачено?

– А чем от меня должно пахнуть? Шахматами?

– Пусть он останется, – вступилась Стефания, – Это Роман Павлович, он действительно из ФСБ... он... друг семьи.

Пластинин выдохнул: Стефания ему подыграла, значит оценила, что приехал.

– Ладно, – сдался доктор и поджал губы. – Специально для вас повторю: состояние девочки крайне тяжелое, она в коме. Даем антидот. У нее передозировка наркотиков.

– Каких? – спросил Роман и покосился на Стефанию: она смотрела куда-то вдаль, сквозь него, сквозь стену, сквозь здание, да и пожалуй сквозь весь этот мир.

– Это самое интересно, если можно так выразиться, – Валерий Сергеевич почесал щеку и уставился в монитор. – Активное вещество нам неизвестно, но что-то из фенологликозидов, – он всмотрелся в монитор и добавил, – но там целый коктейль, также есть следы гликоалкалоидов...

Классы действующих веществ были знакомы Роману, все-таки он немного поднаторел в фармакологии за время в банде и благодаря самообучению на зоне.

– И этого вам недостаточно, чтобы назначить лечение?

– Мы даем Наркан... антидот, так сказать, широкого спектра, посмотрим на реакцию. Конечно, было бы лучше знать, что именно приняла пациентка.

– Маша... – прошептала Стефания. – Ее зовут Маша.

– Дайте мне анализы, расшифровку, – потребовал Роман.

– Зачем? Ну что вы там хотите увидеть? Если вы можете отличить пираретам от циннаризина – это не значит, что вы разберетесь в этом, – он ткнул пальцем в монитор.

– У вас врачебный халат и целая лаборатория умников, но разобраться сами так и не смогли, – наехал Пластинин. – От того, что я попробую – хуже не будет.

Валерий Сергеевич испытующе посмотрел на Романа, во взгляде неприязнь уже сменилась банальной усталостью. Тяжело вздохнув, сделал несколько щелчков мышкой и старый матричный принтер очнулся, заурчал, забурчал, закричал и медленно высунул язык – распечатанный лист с расшифровкой результатов анализа Машиной крови.

Люди молчали, вслушиваясь в психоделическую песню техники прошлого века.

– Мамаша, вы бы шли спать, – наконец попросил врач, которому и самому не терпелось опустить голову на подушку вон на том обшарпанном диванчике, стоящем в углу кабинета.

Сколько он на смене? Сутки? А может быть коллега-сменщик заболел, и он здесь уже почти сорок часов?

– Какое уж тут спать... – прошептала Стефания.

– Доктор прав, – нехотя признал Роман, – поедем домой, если Маша... – он осекся, – когда Маша очнется, вы должны быть в адеквате... ну то есть вам понадобятся силы...

Стефания посмотрела на него долгим взглядом, по-детски шмыгнула носом и поднялась со стула.

– Да, нужно Ластика выгулять, обычно это Маша делала...

Роман молча кивнул.

– Спасибо вам, – поблагодарила она врача. – Мой телефон у вас есть, вдруг что-то... или Маша...

– Да, да, конечно, позвоню, проинформирую, не волнуйтесь, – затараторил Валерий Сергеевич, оживившийся от предвкушения такой близкой тишины и покоя.

– Ах да, простите, – Стефания полезла в сумочку и достала кошелек, – я знаю, в медицине сейчас сложно, возьмите пожалуйста за беспокойство и на лекарства, вдруг понадобится, – она протянула несколько купюр, глаза доктора раскрылись еще шире, а потом он прищурился и посмотрел на Романа. “Прямо мимический театр какой-то имени Ивана Урганта!” – подумал Пластинин и не стал отворачиваться или отводить взгляд: бери, мол, что телишься?

Валерий Сергеевич повел себя достойно: не стал изображать неловкость и принял деньги, поблагодарив.

Гамова и Пластинин вышли в теплую летнюю ночь, даже северный ветер не пытался забраться под одежду и зашекотать, но Стефанию трясло мелкой дрожью, словно на дворе было около нуля. Когда подошли к машине, женщина вдруг сказала:

– Говорят, она прямо на улице сознание потеряла. Скажите, разве такое возможно?

На такие темы Роман соображал очень быстро, в голове давно крутились вопросы касательно обстоятельств произошедшего, но он не хотел травмировать мать излишними напоминаниями. Поэтому сейчас вцепился в возможность выяснить детали.

– В людном месте? Одну?

– Да...

– Надо поговорить с ее подругами. Как вы сказали в кафе, Лена Щебенкина?

– Щербинина, у меня есть ее телефон, – Стефания полезла в сумочку.

Роман невольно отметил, что интеллигентная и воспитанная женщина в такой ситуации совсем не смущается разбудить девчонку посреди ночи. Все правильно, Лена может что-то знать о наркотике.

– Если бы они по вене гоняли, – размышлял Роман вслух, – то явно не посреди города, и передоз случился бы в том же месте, поскольку наступает сразу после укола. Таким образом можно отместить быстро всасывающиеся наркотики и способы их употребления. Значит – таблетки или бут.

Стефания смотрела на Романа огромными глазами полными ужаса и вздрагивала от каждого слова – неужели это могло произойти с ее девочкой? Как это случилось с ее умницей? Она даже забыла, что в руках держит телефон, пытающийся дозвониться, добудиться Лену Щербинину. А Лена не отвечала.

– Но таблетки – это хорошо, – продолжал мыслить Роман, – это не героин, значит не будет ломок, значит она не плотно сидит... – здесь он все-таки замолчал, понял, что переусердствовал с подробностями.

Стефания расплакалась, точнее, вопреки ее воли из глаз потекли слезы, она не всхлипывала и не рыдала, просто из двух зеленовато-серых озер взяли основание две кристально чистые солоноватые реки. Так, наверное, плачут камни.

– Все будет хорошо, – Роман выдавил из себя банальность, – могло быть и хуже. Я постараюсь помочь...

– Спасибо, – ответила Стефания и вытерла лицо ладонью.

– Может быть я поведу? – предложил он. – Вы в таком состоянии...

– А вы... вы пили... – безразлично заметила женщина.

Роман позволил себе усмехнуться:

– Это не страшно, у меня есть перк – Трезвый водитель. Я за рулем моментально прихожу в себя. Работает до уровня концентрации алкоголя в полтора промилле. Если напьюсь сильнее – перк не спасет.

Стефания удивленно изогнула брови:

– Ну что же, спорить не буду... тем более, с капитаном ФСБ, – и с укоризной посмотрела на Пластинина.

А Роман обрадовался сразу нескольким вещам: она может шутить; он сказал ей правду о себе и своем прошлом; она не рассердилась; она ему доверяет, раз уж садится в машину с ним выпившим... откуда ему было знать, что в тот момент Стефания была совсем не против разбиться насмерть. Даже сильные женщины могут дать слабину.

Так иногда бывает, что выходной выпадает именно на тот день, когда он крайне нужен. Отработал трудяга на заводе всю неделю или в офисе отсидел, сил уже нет, и тут случается суббота. Чаше правда бывает, что сил нет уже ко вторнику, а выходных в ближайшие дни не предвидится. Роману в этот раз не повезло. На следующий день, а точнее уже этим утром, ему нужно было на смену в кафе. А планы были совсем другими. Всю ночь он пытался расшифровать распечатку с анализами, неистово гуглил, листал свои немногочисленные книги по химии и фармакологии, пытался вспомнить некоторые нюансы.

Разбираться было сложно, мозг буквально скрежетал и жаловался на недостаточный уровень интеллекта, все эти определения типа: “стероидные сапонины в качестве сапогенинов содержат обычно производные спиростана или фуростана” вводили в ступор и клонили в сон, кофе уже не помогал.

Роман помнил о нераспределенных характеристиках за последние пару лет, но импульсивно бросить их в Интеллект не решался, назад откатиться ведь не получится.

Чем больше он вчитывался, чем глубже термины врезались в память, тем отчетливее у него было чувство дежавю. Все это уже где-то было, он встречал похожие вещества с примерно таким же влиянием на организм и в такой же странной комбинации, которая в нормальной фармакологии не используется. А где он их мог встретить? Не так уж и многочисленны его контакты с наукой, а если прибавить сюда связь этих веществ с наркотиками, то очевидно что-то подобное он мог видеть в наработках химиков из банды.

Это меняло дело. Перед тем, как его закрыли, он как раз взял важные документы из лаборатории: отчеты, результаты исследований, формулы, он тогда мало понимал в чем там суть. Передать их в отдел сразу не получилось, хранить дома – смертельная опасность, поэтому пакет он спрятал в надежном месте.

Когда его сажали, думал он уже немного о другом, да и не понимал, кому из коллег можно довериться, ведь в банде были разговоры о своих людях в органах. В итоге эти бумаги так больше никто и не видел. И если его нычка надежна и пережила все эти годы – то они и сейчас там. А в них может быть единственный ключ к спасению Машки.

В жизни не бывает такого драматизма, что есть лишь один путь к цели. Вполне вероятно, Машка очнется после очередной капельницы антидота или ее подруги вспомнят, что именно она принимала, или хотя бы где взяла, а там уже можно будет прищучить барыгу и узнать правду. Но все эти события мало зависели от Романа, а он не мог сидеть сложа руки, и так за последние годы насиделся... даже на воле.

Часы показывали без четверти восемь утра. Он встал, сунул распечатку в карман, надел кожаную куртку, взял деньги и телефон – собрался.

Первым делом он зашел к соседу этажом ниже – нормальный мужик, раньше был местным участковым, а теперь работает в охране. У них были лаконичные соседские отношения, основанные на мужской солидарности и прошлом в органах.

Позвонил в дверь. Два долгих звонка и один короткий. Это не было шифровкой, но Пластинин сам придумывал себе тайные знаки, то ли из ностальгии, то ли по привычке.

– Че трезвонишь? – открыл дверь невысокий, полноватый мужчина.

– Дай ключи.

Мужчина посмотрел на Романа, прямо в глаза, выждал паузу и спросил:

– Когда отдашь?

– День, может быть два.

Еще один долгий взгляд... и сосед протянул Пластинину брелок с ключами.

– Спасибо! – Роман пожал руку.

Вблизи панельной пятиэтажки, где снимал квартиру Роман, располагались гаражи-ракушки. Один из них Пластинин и открыл только что полученным ключом. Внутри, прямо посередине, гордо стоял мотоцикл Ява. Хоть и старый, с заржавевшим глушителем, но все еще на ходу. У него был такой в студенчестве, тоже черный, они гоняли с Гошей Марченко по Московскому району без прав, катали девчонок, пока однажды друг не влетел на нем в иномарку. Хозяин машины грозился вызвать гайцов, а такой инцидент в личном деле поставил бы крест на будущей карьере Гоши в органах. Роман уладил вопрос – отдал, скрепя сердце, любимую Яву в счет возмещения ущерба. И сейчас Гоша майор.

Роман сел на мотоцикл, накинул на глаза солнцезащитные очки, завел – рычит. Постучал по бензобаку – почти пустой, значит надо заехать на заправку. Газанув и выстрелив себя из гаража, он лихо затормозил. Закрыл ворота и поехал в соседний район. Следующим пунктом назначения был сменщик Колян.

Долгий и два коротких звонка в дверь. Минута ожидания, повторить звонки. Только теперь два коротких и один длинный. За старой, обшитой войлоком и кожаменителем дверью слышались шаги.

– Кто?

– Я.

– Кто я?

– Я.

– Ромыч, ты что ли?

– Я.

Дверь отворилась, на пороге в трусах-боксерах стоял Колян, молодой блондинистый парень двадцати четырех лет. Стандартная история: школа, армия, после дембеля слонялся без дела полгода, подрабатывая то там, то тут. Но нашел в себе силы, уехал в Питер, окончил крутые курсы барменов, устроился там на работу, а потом сильно заболел отец – единственный оставшийся родной человек. Колян приехал в Волхов ухаживать за ним. Это не помогло – отца вскоре похоронили, но почему-то Колян решил больше не возвращаться в Петербург.

– Здорово, – кинул Роман, но руки не протянул. – Выйдешь за меня сегодня?

– Стоп! Стоп! Стоп! Мы с тобой знакомы три месяца, а ты сразу замуж зовешь? – расмеялся парень.

– На работу, дебил.

– Эээ, братан, какая работа? Сегодня твоя смена, а у меня планы, баба днем в гости приедет, помнишь я рассказывал, Вика... ну продавщица которая?

– Колян, выйдешь сегодня вместо меня. Это не вопрос.

– А ты что, опять что ли забухал? – парень присмотрелся к Роману, демонстративно вдохнул воздух, – вроде не пахнет синькой.

– Обстоятельства.

– Какие, блин, обстоятельства? У меня сегодня трахыч намечается, не пойду я работать! Сам разруливай свои обстоятельства!

– Пригласишь ее в наше кафе, угостишь авторским коктейлем, понтанешься, мне тебя учить надо?

– Каким коктейлем? У нас их и делать-то не из чего. Если только ершом...

– Спасибо, смену буду тебе должен, – сказал Роман и легонько ударил кулаком Коляна в грудь.

– Эээ! Слышь, ну кто так делает?

Пластинин уже спускался по лестнице, но остановился, обернулся и сказал:

– Я слово волшебное знаю.

Колян что-то прошептал себе под нос, наверняка какое-то ругательство, и спросил:

– Ну?

– По-братски...

Парень еще раз выругался, но ответил:

– Умеешь ты убеждать, Ромыч. Если по-братски... то, конечно, поработаю.

Роман вышел из подъезда, оседлал престарелого коня, опять газанул и с шумом выехал со двора.

Кожаная куртка, очки, Ява... Пластинин ехал в Олонец – небольшой городок в Карелии, где жила мама как раз того самого старинного друга и сослуживца Гоши Марченко, угробившего мотоцикл в студенчестве. Именно там и была его нычка с документами, которые могли бы помочь Машке.

Глава 3. Дружба мужская и женская

Дом Гошиных родителей почти не изменился. Только покосившийся деревянный забор поменяли на ровный металлический, а саму двухэтажную бревенчатую постройку с летней верандой обшили бордовой вагонкой. Приусадебный участок, правда, выглядел необычно запущенным: цветы на клумбах вперемешку с сорняками, побелка снизу на деревьях почти сошла, и вот-вот наглые жуки-короеды наконец пожрут досыта.

Роман слез с мотоцикла, с непривычки тело отозвалось ломотой и тяжестью: все-таки почти двести километров по дорогам ленинградской области на старенькой Яве. Болела левая рука, в очередной раз напоминая о травме. Подошел к забору, за которым лаем зашлась молодая немецкая овчарка. Значит старый пес Лорд уже издох, пока Пластинина не было.

Роман нажал затертую кнопку на калитке: один длинный звонок и один короткий.

Несколько минут пришлось простоять в ожидании, собрался звонить снова, но тут дверь на веранде отворилась, и по ступенькам медленно, держась за перила, начала спускаться старушка.

Роман невольно содрогнулся – так сильно сдала за последние годы тетя Зина – мама Гоши, он даже не сразу ее узнал.

– Чего вам? – крикнула она, сойдя с лестницы и прищурившись.

– Зинаида Ивановна, здравствуйте! – крикнул Роман.

– Что? – переспросила старушка, а потом пробормотала под нос: – Не слышу ничего...

Она осторожно засемила к забору.

– Тетя Зина, это я, Роман Пластинин, помните? Друг Гоши... работаем... работали вместе.

– Ааа, – расплылась она в улыбке, то ли расслышав, то ли, наконец, рассмотрев гостя. – Пластинкин, ты что ли?

– Я, – улыбнулся в ответ Роман. Тетя Зина всегда называла его не по настоящей фамилии, а этим ласковым прозвищем.

– Так ты заходи, там открыто. Я собаку подержу. Барон, тихо! Сидеть! Свои!

Собака замолчала, посмотрела на хозяйку и, облизнувшись, уселась на траву.

Роман толкнул калитку и вошел во двор.

– Тетя Зина, как поживаете? Как дядя Леша?

Бабушка тяжело вздохнула:

– Да как-как... болеем, я после инсульта только-только отходить начала. Дед лежит целыми днями, телевизор включит и пялится туда, – она шаркнула ногой в калоше, по мощенной бетонными плитами дорожке, ведущей от крыльца до калитки. – Огород, вон, совсем зарос. Нет сил уж работать, как прежде.

Роман еще раз окинул взглядом некогда образцовый участок, где Гошины родители умудрялись выращивать даже арбузы, а посторонним растениям было запрещено приближаться ближе, чем на метр к забору с внешней стороны. А сейчас земля утопала в зелени сорняков, свидетельствуя об окончании какой-то важной и светлой эпохи. Смена поколений... миграция из деревни в город. Почему-то взгрустнулось.

– Пойдем в дом, стоять мне тяжело, спина очень болит последнее время. Да что спина? Проще сказать, где не болит..

Неспеша они двинулись обратно к веранде. В доме все осталось практически так же, как помнил Роман. Небогатое убранство деревенского жилища: простая советская мебель, половики, ковры на стенах, иконы в углу, только в большой комнате старую ламповую Радугу заменил широкий плоский телевизор. “Видимо Гоша настоял,” – усмехнулся Пластинин.

Тетя Зина суетилась на кухне, наотрез отказавшись от какой-либо помощи. Вместо этого отправила Романа в спальню поздороваться с дедом – как она его сейчас называла – хотя на самом деле это был отец Гоши.

Аккуратно открыв дверь, которая все равно скрипнула, словно сторожевая собака, лаем предупреждающая хозяев о приходе чужака, Пластинин заглянул в комнату. Старая Радуга стояла на тумбочке и показывала какой-то сериал, мерцающим экраном словно подмигивая Роману: “Что, мол, думал меня уже выбросили на свалку истории? Ан нет, советские люди так не поступают. Я все еще работаю и меня смотрят, а того, нового и плоского, даже включить боятся”.

Несмотря на шум телевизора, дядя Леша спал на кровати, вытянув одну ногу в шерстяном носке из-под одеяла. Роман не стал его будить, а вернулся на кухню, где уже был налит чай в изящные праздничные кружки с тонкими стенками, очевидно, взятые из серванта в честь визита гостя.

– Как поживаешь, Рома? – спросила тетя Зина. – Давно освободился? Устроился где-нибудь?

Они вообще знали, что он уже вышел? Пластинину стало интересно, а сам Гоша в курсе? Ведь они не общались последние несколько лет, да и сейчас, на воле, он ни с кем из старых знакомых не контактировал. Только матери сообщил, что все в порядке.

Вкратце он пересказал последние события своей жизни, не вдаваясь в подробности и не называя даже города, где поселился – мало ли что. Закончив, он наконец решил задать мучающий его вопрос:

– Тетя Зина, а Гоша давно у вас был? Как вообще у него дела?

Старушка сперва испытующе посмотрела на него и отвела взгляд в окно. Помолчала, затем вытерла глаза рукой и сказала:

– Так у нас Гошенька. Куда ему теперь...

У Романа внутри екнуло.

– В смысле?

Тетя Зина снова помолчала, подбирая слова.

– Убили сыночка нашего, на кладбище он теперь, здесь, в Олонце.

Роман выругался вслух, замолчал, осознавая услышанное. Ближе Гоши друга у него не было, по крайней мере последние пятнадцать лет. И пусть их взаимоотношения были сложными, а последнее время и вовсе сошли на нет, но каждый из них знал, что где-то в мире есть друг, на которого можно положиться. А теперь такого человека в жизни Пластинина не стало.

– А кто? Как? Когда? – он понимал, что заставляет мать заново вспоминать ужасное горе, но не мог сдержаться.

Старушка опять глубоко вздохнула, положила морщинистые руки на стол, сцепив пальцы в замок.

– А кто вас убить может, Ромочка? Бандиты какие-то. Думаешь нам рассказали подробности? Кому-то не понравился, мешался. Нашли Гошеньку в Ленинграде... на стройке заброшенной, – ее голос дрогнул, – узнать смогли только по удостоверению, что при нем осталось. Так его бедненького изуродовали, – она перекрестилась.

Роман сжал кулаки, задумался: кто из бывших сослуживцев может быть в курсе произошедшего? У кого узнать детали? А зачем они ему? Будет мстить? Вряд ли. Но ответы были нужны, хотя бы для себя. Так уж он привык жить.

– В закрытом гробу ведь хоронили... ты прости, не могу я вспоминать, сердце кровью обливается, – тетя Зина закрыла ладонями лицо и заплакала.

По ее реакции Роман решил, что это случилось недавно. Хотя разве можно рассчитывать, что мать сумеет смириться с убийством единственного сына, даже спустя годы? Разве ее душа перестанет разрываться на куски при воспоминаниях о его мучительной смерти?

– А Саня... Саша давно приезжала? – задал следующий наболевший вопрос Пластинин о самой главной женщине в своей жизни, по крайней мере, в тот момент для него это было именно так.

– После похорон не видела я Сашеньку. Тогда она сказала, что уезжает из города, не сможет тут дальше жить.

Саша была лучшей, единственной, первой подругой Романа и по странной иронии жизни – женщиной Гоши Марченко.

– Ромочка... подай корвалол, в холодильнике стоит пузырек, – попросила тетя Зина, прижав руки к груди.

Напоив старушку лекарствами и уложив на диван, Пластинин вышел во двор, хотелось курить. Он завернул за дом и расположился в беседке, где много лет назад они любили просиживать ночи напролет за шашлыками, пивом и разговорами. Все еще потрясенный известием, Роман позабыл зачем приехал, на него нахлынули воспоминания... а вспоминать Гошу было невозможно без мыслей о Сане – Александре Алмазовой, так тесно их жизни переплелись. И не сложилась бы его судьба таким драматичным образом, если бы не встреча с этими людьми. Так как же все вышло?

История, достойная экранизации, началась десятки лет назад с классической мужской дружбы. Их отцы – Павел Пластинин и Василий Алмазов – дружили с раннего детства. Выросли в одном дворе, сидели за одной партой, побывали в горячих точках, сперва срочниками, а затем, после института, уже офицерами КГБ. Женились практически одновременно, гуляли на свадьбах друг у друга. Даже детей завели в один год: сперва родился Роман, а когда Алмазов увидел счастье друга, срочно захотел себе сына. Даже имя придумал – Александр, в честь Суворова, тем более, что сам Алмазов – Василий. Но родилась девочка – Сашенька. Имя решили оставить, да и весь план на жизнь чада Алмазов перекраивать не собирался. Сказал – будет офицером, значит будет офицером. Женщины тоже служат, тоже Родину защищают.

У Романа и Сани, как ее называл бескомпромиссный отец, не было другого выбора, кроме как с раннего детства расти вместе – что поделаешь, дети закадычных друзей очень много времени проводил вдвоем. В машинки, войнушку и куклы они играли вместе, хотя последние и были разрешены только на время командировок отца.

Затем они пошли в одну школу, несмотря на одинаково неудобное расположение для обеих семей. Других вариантов не было, ведь двадцать лет назад в ней учились их отцы. Школа, к счастью, была одной из лучших в Петербурге.

Первые десять лет жизни дети вообще не задумывались о чувствах друг к другу. Они, безусловно, были, но воспринимались так естественно, будто иначе и быть не могло. Все время вместе, как брат и сестра, как лучшие друзья.

В пятом классе Роман в первый раз серьезно заступился за Саню. Она была озорной девчонкой, хотя и училась на пятерки. Зацепилась языками с каким-то шестиклассником в коридоре, слово за слово стали ругаться, толкаться. Пацан был крупнее, старше, но Саня тогда еще не привыкла бояться и отступать.

Роман подрос, когда Саня, ударившись головой о стену, сползла на пол.

Дальнейшие события он плохо помнил, хотя действовал, как говорили очевидцы, очень спокойно, собранно и точно. За несколько ударов вырубил противника и его подоспевшего на помощь друга.

Чем взрослее становилась Саня, тем в более интересные ситуации она попадала. Но Роман был рядом, вытаскивал, отбивал, угрожал, защищал. А когда дело не касалось физической силы, то лидером была Саня. До старшей школы Пластинин еще не так заметно уступал ей в умственных способностях, но потом Интеллект девушки, который она планомерно увеличивала из года в год, уже не оставлял шансов конкурентам. Они все-равно вместе готовились к

олимпиадам по математике, физике, химии, творческим конкурсам, но побеждала там только Алмазова.

Конечно, существовали еще и другие аспекты их отношений. В восьмом классе гормоны окончательно взяли свое. Хотя молодые люди нравились друг другу, романтические отношения предпочитали заводить с другими. Их общение на время затихло, но лишь затем, чтобы возобновиться с новой силой – как это бывает в особо закрученных любовных историях.

В одиннадцатом классе все-таки случилось то, на что все вокруг уже два года как делали ставки. У ребят завязался роман. Они и сами не поняли, как это получилось. Просто из подруги и, можно сказать, сестры Саня вдруг стала еще и девушкой Романа, такой красивой и манящей.

Это было замечательное время для них обоих, они опять воссоединились после тягостных метаний молодости. Вновь им было хорошо вместе, только вдвоем и только друг с другом. Долго наслаждаться безоблачным счастьем им, однако, не пришлось.

На носу было поступление в институт, который выбрали отцы еще до рождения детей. Проблем с подготовкой и экзаменами не возникло, и уже в начале лета без пяти минут студенты разъехались на каникулы с родителями, чтобы встретиться вновь в сентябре и, скорее всего, больше никогда не разлучаться.

Так они думали, но жизнь распорядилась иначе. В середине августа Роман получил письмо от Сани: чужой, холодный и липкий текст, где сообщалось, что полковника Алмазова переводят в Москву и она решила ехать с отцом. Документы из института заберет и попробует перепоступить в один из столичных. И ни одного теплого слова! А ведь они уже строили планы на будущее и, казалось, любили друг друга!

Это был нокаут. Как же так? Почему она не осталась с ним? Ведь уже взрослая, многие уезжают учиться в другие города, а здесь даже ехать никуда не надо было, подумаешь, папу перевели...

За разъяснениями он обратился к своему отцу: знал ли он, что лучшего друга переводят в столицу? Знал ли, что тот забирает с собой семью? Что вообще происходит?

Генерал Пластинин, и без того ходивший все лето с обеспокоенным взглядом, не смог ответить на вопросы, для него самого это было большой неожиданностью. В задумчивости он лишь разводил руками и предлагал сыну не горячиться – дело молодое, всякое бывает. Рассказывал, какие ссоры случались у них с мамой Романа, но ведь всегда мирились!

Генерал Пластинин скоропостижно скончался зимой того же года у себя в кабинете. Обширный инфаркт. Потом говорили, что это все из-за работы. Политическая обстановка в ФСБ тогда была непростой: интриги, борьба за власть. Честное, порядочное и ответственное сердце Павла Пластинина не выдержало.

На похороны приехал Алмазов, но без дочери. Роман хотел поговорить с названным дядей о происходящем, но случая так и не представилось.

Два первых курса института Роман часто писал Сане. От нее приходили, скорее, нейтральные сообщения, где она так ни разу и не ответила на многочисленные вопросы. Что же случилось? Чем он мог ее обидеть? Что такое важное она вдруг решила для себя?

В это же время Пластинин познакомился с Гошей – они учились в одной группе. Пацаны быстро поладили и в стенах института и за его пределами. Гоша всегда был бойким жизнерадостным и предприимчивым человеком. Они вместе гуляли, выпивали, клеили девчонок, катались на мотоцикле – пока Гоша не попал на нем в аварию и Яву не пришлось отдать.

Новый друг, учеба, пьянящая молодость – все это помогало Роману отвлечься от мыслей о Сане. Постепенно ему удалось перестроить жизнь, забить образовавшуюся в душе пустоту другими вещами, другими людьми. Поэтому, когда на четвертом курсе он узнал, что Алмазова выходит замуж, то отреагировал не так болезненно, как ожидал: пил всего два дня и то больше для порядка, чем по требованию сердца.

Следующие несколько лет они совсем не общались с Саней, зато ее отец, к тому моменту уже генерал-майор ФСБ, стал оказывать Пластинину помощь в карьере, как только тот закончил институт. Никакого откровенного блата не было, но определенную протекцию он сделал, например, поспособствовал назначению Романа и Гоши в один отдел.

С головой окунувшись в работу, Пластинин лишь изредка вспоминал бывшую подругу. У него случилось несколько романов, но длились они недолго и заметного следа в сердце и жизни не оставили. Разве только болезненные воспоминания о походе к венерологу и последующем лечении.

Алмазова вновь ворвалась в его жизнь неожиданно, без объявления войны. Просто в один прекрасный день в их кабинет на Литейном 4 вошла хрупкая красивая блондинка невысокого роста в кителе с майорскими погонами и сказала:

– Господа офицеры, принимайте пополнение из златоглавой!

Пластинин на это только и смог сказать:

– Саня приехала! – И улыбнулся.

Встреча была такой неожиданной, что старые пыльные темы даже трогать не хотелось. У каждого накопилось столько новостей, которыми спешили поделиться! Теперь у них было полно времени – Алмазову перевели работать в Питер, в соседний отдел.

С особым удовольствием Роман познакомил коллег друг с другом, словно хвастаясь Саней перед Гошей и наоборот. Когда радость от встречи понемногу рассеялась, Пластинина опять стали посещать мысли касательно их совместного будущего. Тем более, Алмазова развелась год назад и была абсолютно свободна. Саня же наоборот, после теплоты первых дней, вдруг охладела, все меньше забегала к ним пить чай, в разговорах стала сдержанней, иногда попросту молчала в ответ. Склеить возникшую неловкость удалось с помощью Гоши, шутками и энергией заполнившего все паузы. Кроме того, он не был вовлечен в их старые ссоры и было заметно, как Саня расцветает в его присутствии. Называл он ее исключительно Александрой или, в дальнейшем, Сашенькой.

Их совместное общение длилось почти год, а потом Роман стал замечать, как его друзья все чаще и чаще стали проводить время лишь вдвоем, под разными предлогами избегая его общества. Сопоставив некоторые факты и обругав себя за слепоту, он обратился напрямую к Гоше: что, мол, за хрень, братан?

Разговор вышел тяжелым. Это только принято считать, что настоящей мужской дружбе женщины не помеха, но в действительности перед сильным чувством, перед любовью, возможностью семейного счастья, падают самые brutальные бастионы. Если бы речь шла о какой-то интрижке, все было бы иначе, но Гоша и Саша словно нашли друг друга после многолетних скитаний. Роман видел это, понимал и хотел обоим только лучшего. Его претензия была лишь в том, что зарождающиеся отношения друзья держали в тайне.

Некоторое время Пластинин продолжал жить, будто ничего не случилось, но вышло так, что в одночасье он вновь лишился и Сани, с какой-либо надеждой на совместное будущее, и друга – и этот факт никак не получалось игнорировать. Проводить время вместе втроем стало мучительно для всех.

Тогда-то и возникло предложение о внедрении в банду наркоторговцев. Их отдел давно ее разрабатывал, но улики категорически нехватало. Можно было арестовать отдельных участников, прикрыть лабораторию, но следствие показало, что это не просто барыги, а производители. Умные, хитрые, даже, талантливые. То и дело их химики выпускали новые вариации привычной дури, провоцируя бешеные волны продаж и потребления среди любителей кайфа. Были и ужасающе перспективные наработки, способные самым невероятным образом повлиять на общество. С этим надо было что-то делать.

Иногда человеку требуется сменить обстановку, в тщетной попытке убежать от себя. А когда самые близкие люди оставляют тебя наедине с безысходностью жизни, то даже мысль

провести следующие несколько месяцев в компании жестоких ублюдков выглядит не такой уж страшной. Пластинин вызвался сам. Его, безусловно, отговаривали коллеги, пытались запугать предстоящими кошмарами, через которые придется пройти, но он твердо, упорно, самозабвенно стоял на своем.

Была ли это завуалированная попытка самоубийства? Подсознательное стремление хоть как-то омрачить счастье друзей? Или попросту экзистенциальный кризис и поиск себя? Роман старался не задумываться.

Тяжелее всего было объяснить такой поступок матери, но он не вдавался в подробности, сказал, что на какое-то время уедет в командировку. Она – вдова и мать ФСБшников, давно привыкла к особенностям их службы, к секретности, поэтому хоть и переживала, но благословила сына на задание.

Роман поначалу действительно думал, что в банде он пробудет не более полугода. На деле же все вышло куда серьезнее. Два года в банде, нелепое стечение обстоятельств, убийство гражданского, который совсем таковым не являлся, откровенная подтасовка фактов... Пластинин так и не понял, почему на него так накинута прокуратура. Ни Гоша, ни Саня, ни начальник отдела – полковник Дунаев, ни даже стремительно летящий вверх по карьерной лестнице генерал-лейтенант Алмазов – не смогли спасти его от зоны. Конечно, после такого поворота жизнь Романа не могла стать прежней, да он уже и сам не хотел.

Сейчас же, по странной иронии судьбы выходило, что Пластинин в банде и на зоне сумел сохранить жизнь, а Гошу все-таки достали на службе. “Знать бы, что за дела он вел последнее время?” – думал Роман. Единственным человеком, к кому он мог поехать за разъяснениями, не боясь возможного слива информации о себе, была Саня. А ее нужно было еще найти.

За этими мыслями Пластинин не заметил, как выкурил пять сигарет подряд. От никотина стало подташнивать. От малоприятных воспоминаний заболела голова и заняло в груди. Он решил – в пекло эту рефлексию! Встал и привычным решительным шагом направился к гаражу, где Гошины родители держали старые Жигули-копейку. Дверь, как и раньше, была закрыта лишь на простенькую щеколду – в Олонце кражи до сих пор считались проклятием больших городов, к тому же, семья Марченко всегда пользовалась уважением и авторитетом среди соседей, особенно, когда Гоша стал офицером ФСБ.

В гараже Роман включил свет и принялся разгребать в углу коробки и ящики со скарбом. Через пять минут, перепачкавшись в пыли и машинном масле, он добрался до заветной половой доски у самой стены гаража. Вытащив плоскогубцами пару слабо забитых гвоздей, он приподнял доску, затаив дыхание. Облегченно выдохнул – нычка была в порядке: обмотанный бечевкой пакет в сохранности дожидался его все эти годы. Вытащил, стряхнул сантиметровый слой пыли вперемешку с мышинным пометом, сморщившись сунул за пазуху. Затем приладил доску обратно, вернул на место кучу хлама, критически осмотрел угол – следов оставил много: одни только ошметки пыли чего стоят. Но вряд ли старики в ближайшее время полезут в гараж: судя по всему, они сейчас способны лишь на вялое поддержание жизни. Их можно понять. Он сам не слишком отличался активностью и жизнелюбием в последние годы.

Перед возвращением в дом Роман отмылся в уличном умывальнике, замыл одежду, ополоснул голову теплой прогретой на солнце водой...

– Тетя Зина, – шепотом позвал он, войдя в комнату.

Старушка мирно дремала на диване, где он ее и оставил. Будить ее было жалко. Пластинин прошел на кухню и уселся за стол. Нужно было ехать. Там, в волховской больнице в коме лежала Машка, сражался за жизнь молодой организм, но нужна была помощь. В нетерпении Роман пальцами забарабанил по столу.

Громкой трелью зазвонил мобильный, Роман, выругавшись, полез за ним в карман.

– Роман Павлович... – Это была Стефания. – У вас все в порядке? Вы сегодня на работу не вышли...

– Я подменился.

– Да, Николай сообщил...

– У меня возникли срочные дела.

– Конечно... простите, что отвлекаю... я просто хотела сообщить, что Лена Щербина... мне удалось до нее дозвониться. Она очень напугана и хочет помочь. Я решила, что... я понадеялась, что вы поедете к ней со мной. Вы, наверное, лучше знаете, какие вопросы стоит задать, учитывая ваш прошлый опыт... в...

– Я обязательно поеду. Ждите меня. Срочно возвращаюсь в город!

– Спасибо!.. – едва слышно прошептала Стефания и добавила. – Звонил доктор, сказал, что Машеньке становится хуже...

Глава 4. Кто-то находит...

– Лена, успокойся, не плачь. Тебя никто ни в чем не обвиняет. Постарайся сосредоточиться и подробно, со всеми деталями, вспомнить последние дни. Что и где могла принять Маша? – Роман находился в квартире Стефании Гамовой, в уютной, обставленной современной мебелью, гостиной, напротив заплаканной полноватой девушки семнадцати лет. – Она ничего не говорила про таблетки, порошки, шприцы, уколы? Может быть кто-то угощал ее странными напитками?

Лена подняла на него мокрые глаза, Роман отметил расширенные зрачки, но сам по себе этот факт не говорил ни о чем, только лишь намекал...

– Нет, мы же... не дуры, – с запинкой проревела она.

– Знаю, поэтому и пришел к тебе. Но даже с умными, хорошими людьми иногда случаются неприятные вещи. Машу могли обмануть, подсыпать ей что-то. Подростки, да и люди вообще, бывают жестоки, иногда просто ради веселья они ставят чужую жизнь под угрозу. Поверь мне, я достаточно видел. А сейчас твоя подруга в... ее жизнь в большой опасности. Врачи не знают, как именно ее лечить, потому что столкнулись с неизвестным веществом.

Девушка вытерла нос рукавом, с силой шмыгнула, загоня в себя соплю, и сказала:

– Мы честно ничего не принимали. И Машка... она тоже... наверное. Я фиг знает... мы вроде всем делились... ну че там у кого случилось. Она ниче такого стремного не рассказывала, – девушка посмотрела на стоящую рядом Стефанию, которая, обхватив плечи руками, возвышалась над ней. Лена почесала лоб и как-то неожиданно серьезно добавила: – Но вы же понимаете, так-то чужая душа – в потемках.

Стефания вздохнула и посмотрела на Романа – но Пластинин не собирался сдаваться:

– Хорошо, я верю. Тогда опиши, чем вы занимались последнее время?

– Да ничем особенным... как обычно, – девушка пожалала плечами.

– Лен, мы же не знаем, что для вас обычно. Расскажи, – подтолкнул ее Роман.

– Ну... это... гуляли там, с девками на районе тусовались, – помедлила и добавила, – с пацанами.

– И?

– Че и? – повысила она голос. – Вы так докопались, типа я или вру или совсем тупая и не могу сообразить, где Машка наркоты могла хапнуть? Я же сказала, что не было такого! Ну че обычно люди делают летом? Болтают, общаются, загорать ходят, купаться. Чем бы не тешились, лишь бы не залетели...

– Лен, ты пионерку-то выключи, – Роман выпрямился на стуле, поморщился. Ему не нравился тон девушки.

Щербинина замолчала, словно что-то обдумывала.

– Ну конечно мы там... ну... курили иногда, – и поспешила добавить, – сигареты! Пива иногда пацаны себе брали, а нам – вино. Но это же все фигня. Да и редко. Мы, вон, в клуб наш ходили часто. А там Сергей Александрович такие привычки как бы не приятствует.

– Это который молодежный клуб, да? Там, где с вами занимались, образовательные лекции читали, да? Про развитие характеристик, прокачку под определенные профессии, верно?

Лена кивнула, еще раз сильно шмыгнула носом и слотнула.

– Дайте мне воды, голова че-то кружится, – пожаловалась она.

Стефания пошла на кухню, Пластинин поднялся и погруженный в свои мысли вышел в уборную. Бессонная ночь и долгая дорога сказывались на организме. Голова была ватной, тяжелые веки так и норовили опуститься, красные глаза слезились и горели. Он умылся холод-

ной водой, внимательно посмотрел на себя в зеркало – да, усталый вид, давно не брился, лицо покрасневшее – загорел сегодня, пока ездил.

С Леной как-то ничего не выходило. То ли все-таки врет идиотка, то ли не знает, то ли... да мало ли чего еще может быть! Но все это никак не поможет Машке! Роман выругался. Ладно, сейчас он пойдет спросит про остальных подруг из их компании. Про этот молодежный клуб, в конце концов.

– Роман! Роман Павлович! – послышался крик Стефании из комнаты. – Скорее!

Пластинин ринулся туда, чуть в спешке не вышиб плечом дверь в ванную, где закрылся.

На полу гостиной без сознания лежала Лена, перед ней на коленях стояла Стефания: хлопала девушку по щекам и брызгала только что принесенной водой. Рядом внимательно на эту сцену смотрел пшеничный лабрадор Ластик.

Пластинин уже звонил в скорую, когда женщина пояснила:

– Я вернулась – а она лежит... обморок? Перенервничала?

– Вряд ли, – бросил Роман, – скорее всего то же, что и с Машкой.

На звонок ответил диспетчер и Роман коротко описал произошедшее, симптомы, назвал адрес квартиры.

Пластинин сидел на холодном больничном стуле в коридоре перед реанимацией. Теперь там пытались спасти уже двух знакомых ему девчонок. Стефания ушла пообщаться с доктором насчет состояния Машки. Сегодня на смене был добродушный румяный и пузатый мужчина, он много улыбался, заверял, что все у всех будет хорошо. Роман серьезно усомнился в его адекватности и умственных способностях.

За пазухой грел душу надеждой сверток, взятый из нычки в гараже Гошиных родителей. Теперь лишь нужно было остаться одному и попытаться разобраться в записях химиков из банды. Сопоставить их с результатами анализов Машки, а еще лучше – и с анализами Лены Щербининой тоже. Ее привезли пару часов назад, скоро можно будет поговорить с доктором-весельчаком, представиться капитаном ФСБ, потребовать результаты анализов. Если фокус прокатит и в этот раз – информации станет вдвое больше. Стоит попробовать.

В коридоре послышались шаги, он обернулся – невысокий худощавый мужчина в серой ветровке и вытертых джинсах прихрамывал в его сторону. Роман присмотрелся и узнал Валерия Сергеевича – врача, принявшего Машку.

Тот тоже узнал Романа и нехорошо улыбнулся.

– Неужели вы и у новой девушки друг семьи? – спросил он, остановившись напротив Пластинина.

– Лена – подруга Марии Гамовой, я пытаюсь найти закономерность. Очевидно, их внезапные комы связаны друг с другом.

– Напомните, на каком основании вы занимаетесь этим? Кроме неумного желания помочь?..

Роман начал закипать. Снова эти странные вопросы. Что же так смущает доктора в его участии? Хочет человек помочь не чужим ведь людям, а знакомым.

– Я – капитан ФСБ, долгие годы в отделе по борьбе с наркотиками. Этого недостаточно?

– Но в данный момент вы здесь, как частное лицо?

Роман задумался. Завираться не хотелось, а нужно было каким-то образом повысить лояльность врача. Может быть попробовать зайти с человеческой стороны? Стоит рискнуть.

– Конечно, пока состава преступления нет, поскольку вы не можете сообщить, что именно послужило причиной резкого ухудшения состояния девушек. Теоретически возможно, что наркотики здесь не при чем. Поэтому официально этими случаями ФСБ заниматься рано. Но мы то с вами люди опытные, – сделал он прогиб, – понимаем, что без них не обошлось.

Нужно только расшифровать результаты анализов, понять, откуда именно девчонки получили препарат – чем бы он ни оказался.

Валерий Сергеевич прищурился, вновь внимательно посмотрел в глаза Роману, убрал руки в карманы ветровки и заключил:

– Хорошо. Я только из дома, меня срочно вызвали. Анализы новой пациентки пока не видел. Сейчас разберусь, что к чему и поделюсь с вами всей имеющейся информацией. Посидите, пожалуйста, здесь. Подождите меня часик. Никуда не уходите... может быть, вы действительно способны помочь...

Роман кивнул. Ну что же, хороший итог. Осталось немного подождать и можно будет наконец отправиться домой – разбираться с полученными материалами. Конечно, очень хотелось спать, время приближалось к полуночи, он уже почти двое суток на ногах. Сознание путалось. Сможет ли он разобраться в фармакологических выкладках? Должен, надо сцепить зубы, выпить кофе и работать!

Ситуация складывалась таким образом, что часть нераспределенных за последние годы характеристик, судя по всему, нужно будет вложить в Интеллект. Иначе не победить ему страницы формул и уравнений. Не сделать правильные выводы, не выделить закономерности, не придумать решение. Но вернуться к вопросу лучше на свежую голову.

Телефон в кармане завибрировал и замолчал, вырвав Романа из неожиданно охватившей его дремоты. Сколько прошло времени? Он открыл СМСку от Коляна.

"Ромыч как сам? Не забыл что завтра тебе за меня работать?) Тут кое-что случилось. Позвони как сможешь".

Не понравилась Пластинину последняя фраза. Нутром чекиста – именно так назывался еще один доставшийся ему во время службы перк – он почувствовал неладное. Набрал номер Коляна.

– Не спишь? – вместо приветствия сказал сменщик.

– Рано еще. Что произошло?

– Что? А... ну да, тут вечером два кента в кафешку заходили. Хорошо, что ко мне сразу пошли, а не к Светке докопались, а то она могла бы...

– Что хотели? – прервал Роман.

– А почему ты ни разу не говорил, что мент бывший? Ну, в смысле, полицейский?

– С чего... откуда узнал? – разговор нравился Пластинину все меньше и меньше.

– Так у них фотка твоя была, в этом... в мундире.

Роман напрягся еще больше. Точнее, скопившееся до этого напряжение трансформировалось в четкое ощущение угрозы. Нашли, все-таки. Теперь главным было понять – кто именно нашел.

– Как они выглядели? Что спрашивали? Что ты ответил?

– Ого! Полегче на поворотах! Накидывай по одному, – рассмеялся Колян, хотя по мнению Романа смешного тут не было вообще. – Выглядели, как утырки какие-то. В олимпийках, кроссовках, кажется. Короткостриженные. Рожи тупые.

– Ясно, дальше.

– Эээ... ну один стоял в зале, рассматривал все. А второй ко мне подвалил, показал фотку твою и спросил, знаю ли я этого человека.

Роман не перебивал.

– Я взял фотку, посмотрел так внимательно, сначала внатуре не узнал тебя в форме. А потому уже для достоверности стал рассматривать, ну чтобы похоже было, что я задумался типа. Сказал, что не встречал здесь тебя. Он такой переспросил еще: точно? А я ему такой, что да, зуб даю, – Колян замолчал, словно выжидая чего-то.

– Молодец.

– Эээ... и все? А спасибо?

– Колян, так ты ведь и себя спас.

– В смысле?

– Если бы они поняли, что ты меня знаешь, просто так не ушли бы. Без тебя не ушли бы.

– Че за фигня, братан? Ты куда меня втянул?

– Пока не знаю, но ты не ссы. Лично к тебе у них других вопросов быть не может. Но на всякий случай походи несколько дней с глазами на затылке.

– Жопа! Ну а ты как, разберешься с ними? Ты же крутой, да?

– Скорее всего, они все заведения прочесывали, точно не знали, где меня искать. Вполне возможно, что они и про город не уверены и ищут везде. День-два и они уедут. Если уже не свалили.

– Так а ты завтра на работу-то выйдешь?

– Выйду.

– А потом у тебя еще две смены.

– Знаю.

– Я тогда может... это... свалю куда-нибудь на время.

– Свали к продавщице своей. И сиди у нее безвылазно.

– Понял... ты это... Стефанию не подставь.

Роман повесил трубку. Час от часу не легче. Сон ушел – как корова языком слизала. Оставив Романа мокрым и холодным от пробившего ледяного пота. Нет, он не боялся за себя. В жизни успел побывать в куда более страшных передрыгах. Было обидно, что его нашли так не вовремя, когда окружающим нужна помощь, когда он сам заново отыскивал отблеск смысла жизни. Почему все всегда случается некстати?

А если все-таки отбросить признаки паники? Колян его не сдал, из кафе они ушли так ничего и не выяснив. Живет он в Волхове всего несколько месяцев. Примелькаться не успел. Если даже они расспросят его соседей – далеко не факт, что кто-то узнает его на старой фотографии. Он ведь изменился.

Понятно, что сосед – бывший участковый, одолживший Яву – Пластинина опознает легко. Но ведь не дурак мужик, чтобы разбалтывать информацию первым попавшимся. Тут можно не беспокоиться.

В коридоре опять послышались шаги. Из-за поворота вынырнули двое в форме – полиция. Один из них разговаривал по телефону, до Романа долетели обрывки фраз: "... здесь, разберемся, спасибо". Перк Нутро чекиста вновь бил в набат. Пластинин посмотрел в противоположную сторону коридора – есть ли там еще один выход? Или лучше не дергаться? Полиция – это все-таки свои.

– Майор Беляев, – отсалютовал коренастый усатый мужчина, только что убравший телефон в карман брюк. Молодой сержант, державшийся чуть сзади командира, ехидно усмехнулся, будто предвкушая что-то интересное.

Пластинин кивнул в ответ, но положения не изменил: остался сидеть.

– Ваши документы, – то ли спросил, то ли констатировал майор.

– А в чем дело? – Документов с собой у Романа не было. Паспорт держал дома, а водительское удостоверение в любом случае не распространялось на мотоциклы, поэтому в поездку к родителям Гоши он его не взял.

– При себе не имею. На каком основании проверку проводите?

– Назовите свои имя и фамилию, – продолжал майор.

Роман пожалел, что все-таки не рискнул скрыться бегством. Сейчас уже было поздно. В открытую конфликтовать с полицией – это безумие.

– Роман Павлович Пластинин.

– Место работы?

– Кафе "Волховстрой", бармен.

– Какое отношение вы имеете к органам внутренних дел?

Вот оно что! Сложился пазл. Настучали на него. И даже долго думать не надо, чтобы догадаться, кто.

– Положительное, – улыбнулся он, уже ни на что не рассчитывая.

– Вставайте, Роман Павлович. Проедем с нами в отделение.

– На каком основании?

– Поступил звоночек, значит. Кое-кто, выдает себя за сотрудника ФСБ, пытается получить доступ к документам министерства здравоохранения. Попирает постулаты неприкосновенности личной жизни пациентов.

– Чего-чего делает? – скривился Роман.

Тут дверь кабинета открылась, из него вышла Стефания. Страшная маска боли и тревоги за последние сутки словно приклеилась к ее лицу.

– Роман Павлович... – сказала она и запнулась, пытаясь оценить ситуацию.

– Я проеду с товарищами, нам надо кое в чем разобраться, – изо всех сил улыбнулся Пластинин.

По дороге в отделение все молчали. В секции для задержанных нового УАЗа Патриота Романа швыряло из угла в угол и подкидывало на каждой кочке. О чем тут говорить?

На месте, перед тем, как забрать у него все личные вещи (в том числе сверток из тайника) и запереть в обезьянник или аквариум, как еще называют такие помещения, разрешили сделать один звонок. Роман позвонил соседу, попросил сходить к нему в квартиру, найти паспорт и привезти сюда, чтобы подтвердить личность. Ключи от своей квартиры он оставил соседу еще два месяца назад. Мало ли, что может случиться. Как в воду глядел. А красть у него все равно нечего.

– Посидите пока мы все оформим. Личность проверим.

Пластинин даже не стал спорить насчет правомерности таких действий. Да, он выдавал себя за сотрудника ФСБ... но ведь никаких липовых документов не предъявлял, да и вообще не злоупотреблял мнимыми полномочиями. Ведь делал оговорку, что в больнице – как частное лицо. Стефания сможет подтвердить – вот только не хотелось бы вовлекать ее в это. Ладно, посидит час-другой, не сломается.

Что действительно было плохо – это формальный привод в полицию и то, что сейчас его будут пробивать по базе, а если выпишут административку – то это лишний засвет, накрывается его новая тайная жизнь сразу несколькими медными тазами одновременно, а ведь все так хорошо начиналось. И за сверток он переживал. Мало ли майор заинтересуется его содержанием...

В обезьяннике уже было два человека: невменяемый алкоголик, распластавшийся прямо на полу вдоль грязной и, судя по запаху, зассаной стенки; и молодой парень лет двадцати, обхватив колени, раскачивающийся на деревянном ящике, служившем скамейкой.

Роман присел к парню, тот деликатно переставил ноги на пол, освобождая больше места новому сокамернику.

Некоторое время сидели молча, лишь алкаш периодически выкрикивал что-то невнятное. Роман прислонился к холодной стене и прикрыл глаза. Надо использовать время с умом, хотя бы поспать.

Прошло минут пятнадцать. Парень, не разделял его намерений отдохнуть. Наверное, давно уже здесь находился и сильно нервничал – решил заговорить:

– Максим, – протянул он мокрую холодную ладонь.

– Роман, – пожал ее Пластинин и тут же пожалел.

Парень явно хотел поделиться своими неприятностями хоть с кем-то, но, алкаш его слушать отказался, а кроме Романа под рукой никого не осталось.

Роман, раз уж поспать не давали, решил потренироваться в наблюдательности и дедукции. Парень трезвый – значит взяли не за синьку. Сидит давно, значит дело не в отсутствии документов. Вид у него, хоть и приличный, но похож он скорее на пройдоху, чем на продавца из салона сотовой связи – ну или где там приличные люди его возраста работают? На студента он тоже был непохож. Сидит, качается, нервничает. Первый раз попался или что-то серьезное грозит?

– Два два восемь? – кинул Пластинин первый шар.

Парень вздрогнул, посмотрел на него и кивнул.

– Много с собой было? – Роман, удовлетворенный собственной пронизательностью, продолжил расспросы.

– Да блин! – дрожащим голосом воскликнул парень. – Было-то много, но ведь это не наркотики даже...

– А что? Пищевая сода?

– Биологические Активные Добавки, – выпалил парень.

– Биологически, – поправил Пластинин, но парень его уже не слушал, вовсю отдавшись потребности жаловаться и, возможно, получить поддержку хотя бы от случайного встречного.

– Надо было просто передать таблетки. В одном месте взять, ну и в другое отдать.

– Ты бегунок? – нахмурился Роман.

– Типа того.

– А откуда и куда нес?

– А тебе-то что?

– Из Питера в Волхов вез?

– Ммм... – парень опять вздрогнул. – Откуда знаешь?

– Иначе сделали бы закладку и все. Одни положили, другие забрали. Зачем лишние ноги к этому привлекать?

– Ага... – согласился парень.

– И что же ты вез? – Романа все больше и больше интересовал этот разговор и парнишка.

Максим замешкался, понял, что в приступе откровенности можно выболтать лишнее. Но ведь и Пластинин был не фраером каким-нибудь. Прокачанные бандитские навыки, увеличенная лояльность при встрече с преступниками, пара перков с зоны... Такому человеку было тяжело не ответить. Совокупность всех перечисленных факторов исполинской грудой авторитета нависала над собеседником. Парнишка все еще сдерживался, но его взгляд бегал по камере, как таракан по стене кухни.

Роман пододвинулся поближе к нему, наклонился и шепотом сказал:

– Подь сюды.

Максим медленно, в три движения, приблизил голову к Роману.

Целую минуту Пластинин что-то сообщал собеседнику, глаза у того раскрывались все шире и шире, хотя казалось еще чуть-чуть и они выпадут прямо на обхарканный пол.

Наконец, Роман отодвинулся в свой угол. Максиму потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя. Затем трясущейся рукой он пригладил волосы, словно боялся, что они встали дыбом от услышанного.

– Обещаю, – повторил Пластинин.

– Я не знаю, кто именно, зачем и кому их передавал. В Питере взял из закладки килограмм таблеток, говорили, что это БАДы, а никакие не экстази, привез сюда, в другую закладку надо было положить. Но на вокзале меня приняли.

– Еще что-то с собой было?

– Да нет почти.

– А все-таки?

– Полтора скорости. Но для себя.

Вот почему парня потряхивало и качало – отходняки.

– Ясно. Короче, не переживай слишком. Я сейчас выйду – достану тебе хорошего адвоката. Потом расплатишься. От таблеток отмажу, а скорость... посмотрим.

Глаза у Максима блеснули надеждой. Может быть все обойдется? Первый раз, все-таки.

– Ты точно не знаешь ни одного имени?

– Нет, – покачал головой парень. – За все время слышал только одно слово, похожее на фамилию или кличку.

Роман с трудом сдержался, чтобы не показать интереса.

– Ну?

– Мангала или... Мандала... или ман...

– Может быть еще скажешь – Манданда?

– Нет, вроде не такая. А что, ты знаешь кого-то с такой погрехухой?

– Да, – глубоко вздохнул Роман. – Манданда – вратарь сборной Франции по футболу.

– Нет, не он, – сгорбился Максим, – вряд ли французский вратарь стал бы банчить колесами в Ленинградской области.

Роман даже не удивился такой логике. Ему нужно было подумать над услышанным. Что он узнал? В Волхов из Петербурга ввозят таблетки – подумаешь, велико открытие. Цепляло здесь другое. Либо Максим был конченным придурком, чтобы поверить, будто БАДы нельзя привезти легальным способом, не прибегая к конспирации наркоторговцев, либо это действительно были не колеса экстази, а что-то другое. И вот это возможное "что-то другое" не давало покоя. Слишком часто за последнее время он встречался с таинственными препаратами или их следами.

Но выжать из паренька больше – было попросту невозможно. Не знал он ни хрена.

Дверь в обезьянник открылась, молодой сержант с кислой мордой пробурчал:

– Пластинин...

– Что? – ответил Роман, не меняя позы.

– Что, что?! На выход.

Роман был уже в дверях, когда Максим крикнул ему вдогонку:

– Дронов!

Он обернулся.

– Моя фамилия – Дронов.

Роман кивнул. Конечно, он не собирался искать адвоката и помогать парню отмазаться – не в тех он сейчас сам условиях. Да и виноват Максимка. Может быть отсидит, да поумнеет. За то, что обманом и пустыми обещаниями помощи он выщеганил крохи полезной информации совесть Романа не мучила: он его под статью не подводил, дурь в руки не пихал, ментам не сдавал.

В кабинете, куда привел сержант, в молчании сидели майор Беляев и сосед из квартиры снизу, только что доставивший его паспорт.

– Он? – спросил Беляев и кивнул на Романа.

– Да, – ответил сосед.

– Подтверждаете, значит?

– Подтверждаю.

– Свободны, – не поднимая глаз, попрощался майор.

Сосед вышел из комнаты, бросив на Пластинина безразличный сдержанный взгляд.

– Значит так, Роман... – майор Беляев сверился с паспортом, в раскрытом виде лежащим перед ним. – ...Павлович. На первый раз я тебя отпускаю. Документы настоятельно советую впрямь при себе иметь. Тем более, что ты не местный.

Роман не моргая смотрел на майора.

– Еще раз узнаю, что ты суешься куда не следует, прикрываясь прошлыми званиями – посажу. В этот раз тебе хватило ума не размахивать поддельной ксивой, поэтому и уходишь так быстро, – майор по-прежнему смотрел куда-то в бумаги.

Роман понимал, что ничего серьезного ему впаять не могли. Еще бы, он ведь только на словах представлялся капитаном ФСБ, ну взял на понт доктора – так тот сам дурак, что поверил. Еще можно было бы и халатность тому вменить, если бы ущерб от действий Пластинина хоть как-то поддавался оценке. А так – получил результаты анализов, подумаешь.

– С чем пацана взяли? – решил он воспользоваться представившейся возможностью узнать детали из первых уст.

– Ты идиот? – Беляев наконец посмотрел на Романа, точнее, куда-то повыше его головы, словно ни в коем случае не хотел встретиться с ним взглядом. – Ты в своем баре совсем мозги пропил или тебе их на зоне отбили?

– Там девочки при смерти...

– Нет, ну ты посмотри на него, – загавкал стоявший сзади сержант.

Майор цыкнул и тот сразу же замолчал.

– Считаю это проявлением моей офицерской солидарности, – Беляев на мгновение все-таки посмотрел Роману в глаза. – Отслужил ты свое, капитан, отслужил. Вещи личные забери и уматывай.

Пластинин забрал кошелек, телефон, ключи и, самое главное, сверток. Его даже не разворачивали. Наверное, прощупали только. Поленились что ли?

На улице его дождался сосед.

– Спасибо, – протянул ему руку Роман.

– Где мотоцикл? – спросил тот, отвечая на рукопожатие.

– Около дома начальницы оставил.

– Привези до утра. Поставь в гараж. – Мужчина, не прощаясь, направился в темноту ближайшего двора.

Роман сплюнул, достал пачку, закурил.

Сосед остановился, когда его силуэт был едва различим на фоне облепившей все вокруг ночи, сказал:

– Я тут поспрашивал... Забей на все это. Нет на тебе больше погон.

Роман покачал головой. А если он не мог по-другому? Как бросить тех, кому нужна помощь? Что он за человек после этого будет?

Проверил телефон – два пропущенных от Стефании. Не задумываясь о времени, перезвонил. Ему тут же ответили.

– Роман Павлович, у вас все хорошо? – сбивчивым голосом спросила женщина.

– Да, спасибо, были тут небольшие дела.

– Машка... – сказала Стефания и заплакала.

Роман выругался, не желая слышать продолжение фразы.

– Маша очнулась! – с трудом выговорила женщина.

Глава 5. А кто-то теряет...

На такси Роман доехал до дома Стефании, там забрал мотоцикл и направился в больницу. Необходимо было проведать Машку, раз пришла в себя. Наверняка она вспомнит, что именно принимала и почему.

Главное – что сейчас с ней все в порядке. Значит, и Лена Щербинина выкарабкается. Значит, не придется разбираться в химии и фармакологии, изучая записи бандитских ученых четырехлетней давности. Выходит Интеллект повышать пока что нет необходимости. А что тогда? Если его нашли старые знакомые наркоторговцы, то вполне вероятно – придется драться. Не подтянуть ли боевые характеристики?

Вопрос выживания никогда не бывает второстепенным. Может быть, в тир сходить? Вспомнить навыки владения стрелковым оружием, чуть подкачать их. Сколько лет он уже не держал в руках ствол? Скилл все-таки немного просел. Пластинин почувствовал неуверенность. Цифра навыка – это, конечно, хорошо, но тактильные ощущения от прикосновения к пистолету, от сопротивления спускового крючка, гроыхание выстрела, запах пороха – ммм... как он по этому соскучился.

Пластинин подъезжал к больнице осторожно, медленно: не мог разобраться в собственных ощущениях и предчувствиях. Что-то новое тревожило его. Слишком много всего случилось, слишком он устал, слишком путались мысли от недосыпа.

Опасение оправдались – чуть в отдалении от фонаря перед входом в приемный покой стоял полицейский УАЗик. То ли тот, на котором недавно катали Романа, то ли другой – он не запомнил номер, хотя рассмотреть его в темноте все равно бы не удалось.

Что они здесь делают? Ясно что – либо Машку допрашивают, либо из-за поступившей Лены приехали. Ведь в их первый сегодняшний визит пришлось сразу же возвращаться в отделение с Романом.

Встретаться с Беляевым или его сотрудниками не хотелось. Конечно, к Машке бы его скорее всего пропустили, но в этот раз играть с огнем не было желания. Кто знает, что случится в ближайшем будущем? Возможно, эту последнюю каплю ментовского терпения стоит отложить на более экстремальный случай?

Он скинул сообщение Стефании, что сегодня приехать не сможет. Отправился к дому. Поставил мотоцикл в гараж, вернулся к себе в квартиру. Перед тем, как войти – внимательно осмотрел дверь на предмет посторонних следов. Мало ли кто мог вломиться и поджидать внутри, пока он был в разъездах. Но старые лакированные досточки, которыми она была обшита, как и ржавеющая замочная скважина, повреждений не имели.

Зашел. Не раздеваясь и не включая свет плюхнулся в кресло, достал из-за пазухи сверток, который мечтал вскрыть уже очень давно...

В таком положении его и разбудил утром звонок в дверь. Протрав глаза, Роман минуту пытался сообразить, где он находится. Второй звонок, гораздо более настойчивый, чем первый, окончательно вывел его из состояния неопределенности, которому бы позавидовал сам Кот Шредингера.

На пороге стоял сосед. В руке держал запечатанную бутылку водки.

Роман порылся в кармане и протянул связку ключей от гаража и мотоцикла.

– Пока больше не нужны. Спасибо, выручил.

– Я войду, – предупредил сосед и сделал шаг внутрь квартиры Пластинина.

Роман посторонился, пропуская мужчину. Тот уверенным шагом прошел на кухню. Роман поплелся следом, пытаясь собраться с мыслями. Как говорила его школьная учительница: "Поднять – подняли, а разбудить забыли".

Сосед вытащил две кружки, отвинтил пробку на бутылке, щедро налил водки грамм по сто каждому.

– Не рано? – спросил Роман.

– Я сегодня выходной, а в выходные я начинаю пить с девяти.

– Уже девять? – удивился Роман. Достал телефон – батарея разряжена. Выругался. – Мне на работу надо.

– Ничего, я ненадолго.

Тон был безапелляционный. Но Пластинин, как Ланистеры, умел отдавать долги, а соседу он был должен. Уже дважды, за один только вчерашний день.

Кафе откроют и без него, пара часов в запасе есть, а судя по настроению гостя, бутылки им хватит минут на двадцать.

– Что-то случилось? – спросил Роман.

Сосед кивнул на кружки. Они выпили, залпом, без тостов и без закуски.

– Это ты мне скажи, Роман Павлович, – ответил сосед с запозданием.

Занятная проблема в коммуникации между ними крылась еще и в том, что Пластинин забыл, как зовут соседа. Первый раз, когда тот представился, имя просто вылетело у него из головы, а переспросить как-то все не представлялось случая. Потом они пили один раз вместе и этот вопрос удалось прояснить, но, как на зло, проспавшись, Роман опять не вспомнил, как зовут мужчину. Это угнетало. Не по-мужски вышло, не по-соседски.

– Что я тебе должен сказать? Ты уже наверняка узнал, что хотел, – пожал плечами Роман.

– Расскажи то, чего не знают менты. Почему ты настойчиво вмешиваешься в историю?

– Знакомая девочка пострадала. Хотел помочь.

– Помочь или отомстить?

– Пресечь. Оградить других.

– Плохо у тебя выходит.

Роман с вызовом посмотрел на соседа – еще не хватало алкашной критики. Спросил, подморозив тон, насколько мог:

– По существу есть что сказать или просто бухнуть не с кем?

– Ладно... – Глаза мужчины заблестели, то ли от водки, то ли от эмоций, – племянница моя, младшей сестры дочка... своих-то я не нажил...

Налил еще – водки в бутылке осталось на три пальца.

– Когда?

– Этой ночью... сидела за компьютером, а потом... хорошо мать проснулась в туалет, увидела, что Светланка на полу лежит, на раздражители не реагирует. Вызвала скорую, дальше догадываешься.

– Что за девочка? Какие у нее могут быть пересечения с... с моими барышнями?

– Пересечения? С Гамовой и Щербатовой?

– Щербининой.

– Да без разницы. Не знаю... я уже думал. Никогда не слышал, чтобы она с ними дружила.

– Много ты успел узнать за ночь, – заметил Роман.

Сосед ничего не ответил, ухмыльнувшись, посмотрел на Романа, потом выпил водку.

– Так кто она? Фамилия, возраст, чем занимается. Учить тебя что ли? – продолжил расспросы Пластинин.

Сосед вздохнул.

– Светлана Мурова, двадцать пять лет, ну?

– Не девочка уже, – нахмурился Роман. – До сих пор с родителями живет?

– А у нас тут по сто тыщ не зарабатывают, чтобы квартиры снимать. Каждую копейку экономят люди.

– Работает где?

– Какая разница...

– Слушай, ты ко мне сам пришел, не я, – Пластинин решил надавить. Конечно, информация была нужна и ему, но признаваться в этом не хотелось.

– Если скажу... короче, помалкивай, – не попросил, а предупредил сосед.

– Сам разберусь.

Мужчина задумался, поднял пустую кружку, с сожалением повертел ее в руках, посмотрел на почти пустую бутылку.

– Палыч, у тебя есть еще топливо? – обратился он к Роману.

– Харе! – не выдержал Роман. – Давай, или рассказывай все, или расход. Мне на работу, а кроме этого и так дел хватает. На местных: что полицию, что врачей, у меня как-то не много надежды, все самому придется решать.

Сосед пожевал губу, набрал побольше воздуха.

– Да шлюхой она работает! – закричал он и матерно выругался. – Шлюхой! Понимаешь?

– Я не прокурор, чтобы передо мной оправдываться. Пусть работает хоть... – Пластинин задумался: у девушки уже и так была профессия, которую он привык упоминать в конце такой фразы.

– Думаешь, тут работы для молодой девчонки много? – задал риторический вопрос сосед. Ненадолго мужчины замолчали.

– Телефон борделя говори, съезжу, разузнаю.

– Я с тобой.

Роман покачал головой.

– Ты еще майора Беляева позови с его сержантиком, для кворума. Один пойду.

Сосед продиктовал номер, потом несколько раз выругался, то ли на Романа за нежелание брать его с собой, то ли на племянницу, позорившую семью постыдной работой, то ли на жизнь в целом. После чего допил водку и Пластинин выставил его за дверь – нужно было собираться на смену. Роман принял душ, почистил зубы, позавтракать решил уже в кафе.

Перед выходом задумался о свертке с записями химиков-бандитов. Оставить его в квартире? Тайников здесь не было, сейфа и подавно, если его все-таки вычислят, то могут устроить обыск – а такие ребята искать умеют. Правда, было не до конца понятно, зачем его ищут. Хотят просто убить или им тоже нужны эти бумаги?

После недолгих колебаний заткнул пакет за ремень, прикрыл сверху футболкой – в кафе переложит, а то слишком заметно.

На улице Роман решил не ждать автобус, а пошел пешком, хотелось окончательно скинуть хмель, а не наоборот – разомлеть в пропеченном солнцем салоне.

Смена уже близилась к экватору, когда в кафе вошла женщина, которую Пластинин сейчас увидеть никак не ожидал.

Все время до этого момента он посвящал обслуживанию немногочисленных посетителей и... мыслям о распределении очков характеристик. Вопрос стоял так: наука или боевые характеристики, Интеллект и Восприятие или Сила и Выносливость? Размышления над этим привели его к более очевидному выбору – самому разобраться в фармакологии и химии неизвестного вещества и его влиянию на человека или подготовиться ко встрече с врагами. Инстинкт самосохранения нашептывал, что каким бы умным он бы ни стал, если его кончат, помочь он все равно никому не сможет. Но странное благородное чувство самопожертвования помноженное на апатию последних лет говорило, что спасать надо в первую очередь других. Навоевался он уже. Хватит.

Именно за этой головоломкой его и застала вошедшая в кафе Стефания, хотя Роман был уверен, что женщина целый день – а то и несколько следующих – проведет с очнувшейся Машкой.

Стефания выглядела ужасно: красные глаза, черные круги под ними, словно на тебя смотрит не живой человек, а уже наполовину скелет. И так стройная, за последние дни она заметно похудела, кожа на скулах натянулась, но одновременно и сморщилась, добавив женщине лет десять к возрасту.

Стефания рассеянно поздоровалась с Романом и села за один из свободных столиков, уставилась на скатерть и ногтем стала обводить на ней застиранное пятно от кофе.

Роман заварил ее любимый зеленый чай с жасмином, принес кружку и сел на стул напротив. С сочувствием посмотрел на женщину. С удивлением отметил, что даже в таком состоянии, уставшая и ненакрашенная, она нравится ему, чуть ли не еще больше, чем прежде. Странная вещь – симпатия.

– Как Маша? – прервал он молчание.

– А? – Стефания будто бы не услышала вопроса.

– Она же очнулась? Извините, не смог вчера приехать.

– Вы и так, кажется, делаете больше, чем я могла рассчитывать. Спасибо, – не улыбаясь сказала Стефания.

– Как она?

– Она... она очень изменилась...

– Конечно, все-таки пережила такое... Дайте ей время прийти в себя, набраться сил, и вот уже скоро она будет прежней веселой, умной, замечательной девочкой.

Стефания некрасиво суксилась и, наверняка, заплакала бы, но в организме кончились слезы.

– Нет, тут другое. Это... это больше не Маша. Я не узнаю свою доченьку.

Роман подумал о возможных повреждениях мозга после комы или от действия токсинов на организм, но пока решил не углубляться в дурные мысли. Сперва надо все разузнать, желательно – от врачей. Но как теперь это сделать?

– А что конкретно не так? Как она себя ведет?

– Как ведет? – Стефания наконец оторвала взгляд от пятна на скатерти и посмотрела на Романа, потом на чашку чая. – Как ребенок, усталый, заторможенный ребенок. Реагирует вяло, инициативы не проявляет, не ест, пока ей ложку не поднесешь ко рту.

– Что говорят врачи? – Роман видел, что и мать реагирует не сильно лучше дочери, поэтому пододвинул чай к ней поближе.

– Спасибо, – прошептала она, точно только сейчас заметила чашку. – Валерий Сергеевич разводит руками... говорит, нужно провести обследование. Говорит, что физически она здорова, ЭЭГ хорошее...

Роман в задумчивости постучал костяшками по столу. Не успел он обрадоваться, что девочка пришла в себя и, казалось, самое страшное позади, как история сделала очередной трагический поворот. В груди заново разгоралась чуть остывшая за ночь ярость. Чтобы как-то отвлечься, он предложил:

– Вы давно завтракали? Сейчас что-нибудь сварганим.

– Нет, я не голодна...

– Я лично приготовлю, – попытался улыбнуться он. – Сами знаете, наш Пашка – так себе повар.

Привычным энергичным шагом Роман ринулся на кухню, по-хозяйски схватил из холодильника яйца, сметану, ветчину и принялся готовить омлет.

Повар Пашка – пятидесятилетний мужик с наружностью гнома из Средиземья и прошлым корабельного кока – злобно зыркнул на него, пробурчал что-то в бороду, но спорить не стал, вернувшись к лечению похмелья путем опустошения полуторалитровой бутылки минералки.

От внезапно накатившей злости Пластинина затрясло. Но злиться на абстрактное зло было тяжело, поэтому он вспомнил того, кто олицетворял для него всех наркоторговцев в мире.

Роман разбивал яйца, представляя вместо них голову Рубинчика – одного из главарей банды, в которую он был внедрен. Тогда, четыре года назад, тому удалось уйти буквально за несколько часов до того, как коллеги Романа начали аресты известных членов группировки.

Он взбивал яйца со сметаной, мечтая, как будет наматывать на руку кишки этого уродя, с такой интенсивностью орудуя венчиком, что образовавшаяся пена выплескивалась из миски.

Резал ветчину, думая, что это плоть полноватого, свиноподобного ублюдка.

Разместив все ингредиенты на сковородке, Роман видел, как поджаривает на ней интимные части тела Рубинчика.

Пластинин был чертовски зол, но спустив ярость на ни в чем не повинные продукты, его слегка отпустило. Как ни странно, желание физической расправы сподвигло его на другой решительный шаг.

Сперва он поставил симпатично украшенную зеленью тарелку с омлетом перед Стефанией. Затем сел на свое прежнее место напротив и, не задумываясь больше ни секунды, распределил половину сколпленных за последние годы очков характеристик в Интеллект.

Сознание помутилось, голова закружилась, в глазах засверкали искры. Он уже и забыл, какой эффект бывает во время повышения характеристик. Пришлось откинуться на железную спинку стула и закрыть глаза.

Стефания, кажется, и не заметила этого движения. С прежним безучастным видом она принялась ковырять омлет, время от времени медленно отправляя в рот по кусочку.

У Пластинина заломило виски, казалось, что из одного уха в другое, сквозь голову, проложили железную дорогу и теперь по ней без остановки гоняют миниатюрные, но очень шумные и энергичные товарняки.

Затем у него начался озноб, он встал, чуть шатающейся походкой проковылял за стойку. Сделал себе крепкий черный чай с бергамотом и сахаром.

Стефания, тем временем, закончила омлет. Съела все.

– Роман Павлович, спасибо, очень вкусно! Оказывается, вы хорошо готовите, – чуть повеселевшим голосом похвалила она и даже позволила легкую улыбку.

А у Романа резко начался жар, сначала он подумал, что это от чая, но быстро сообразил, что дело в перестройке организма. Не из-за повышенного ли интеллекта он стал таким догадливым?

– Вам плохо? – оживилась Стефания.

Он присел на высокий барный стул за стойкой, проигнорировав вопрос начальницы.

По внутренним ощущениям Романа, плохо ему было где-то на тридцать девять градусов и температура продолжала расти.

Стефания подошла к нему, приложилась губами ко лбу, чем немало удивила бы Пластинина, будь он в состоянии удивляться.

– Да вы весь горите! Не вставайте, я сейчас парацетамола принесу.

Сейчас Роман вспомнил, что читал где-то социальную рекламу, предостерегающую от одновременного повышения характеристики более, чем на две единицы. Но мало кто в жизни с такими ситуациями сталкивался. Обычно люди планировали все свое развитие заранее, составляли таблицы, схемы. И как только получали в распоряжение лишнюю единичку, сразу же вкладывали ее в заветную характеристику. Лишь некоторые чудачки по несколько лет копили очки, чтобы затем разом скакнуть вперед в развитии. Нынче к таким чудачкам мог отнести себя и Роман.

– Езжайте-ка вы домой. Отлежитесь как следует, – предложила Стефания.

Роман слышал все, как через воду, или через молоко... нет, кисель, сладкий тягучий кисель, в который слова падают словно камни: шлеп! шлеп! буль! буль! И почему такая хрупкая

Стефания порождает такие громкие звуки? Громкие, но медленные, как медведи. Или медведи все-таки быстрые? Он ходил охотиться на медведя, давно, с отцом... и с Саней... и с ее отцом. Весело тогда было. Медведя, правда, они так и не встретили. Вот бы снова пойти на охоту, только теперь со Стефанией. Интересно, его папе понравится Стеша? Ах да, отец же умер. Грустно.

Он протянул руку к Стефании, хотел сказать что-то... приятное? Или ласковое? Сложно вспомнить. О чем это он вообще думает?

– Роман Пав-лоо-вич? – пыталась достучаться до него Стефания. – Вы меня слышите? Вам совсем плохо? Я скорую вызову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.